

lonely planet

герои

30 известных актеров
и режиссеров
рассказывают о своих
путешествиях

TRAVEL STORY

Эндрю МакКарти, Дон Джордж, Алек Болдуин, Брук Шилдс,
Ричард Э. Грант, Джош Лукас и др.

Travel Story

**Герои. 30 известных актеров
и режиссеров рассказывают
о своих путешествиях**

«ЭКСМО»

2011

УДК 913(100)
ББК 26.89(0)

Герои. 30 известных актеров и режиссеров рассказывают о своих путешествиях / «Эксмо», 2011 — (Travel Story)

ISBN 978-5-699-91004-5

Основная идея этого сборника проста: актеры выступали рассказчиками еще во времена древних греков. И с тех пор как Голливуд вышел за пределы павильонных съемок, эти рассказчики посещали отдаленные уголки мира, чтобы потом поведать нам свои истории. Это «типичные представители Голливуда» – настоящие бродяги, чего от них требует работа и зачастую характер. Актеры всегда путешествуют, широко открыв глаза и наострив уши (иногда неосознанно, но чаще осмысленно). Они высматривают образы, особенности поведения или интонации речи, которые можно запомнить, сохранить на будущее, чтобы в нужное время использовать в роли. Сценаристы путешествуют, прислушиваясь к диалогам, которые помогут раскрыть тот или иной характер, а режиссеры погружаются в атмосферу с целью создать на экране особенный и правдоподобный мир. Большинство кинематографистов скажет вам, что съемки фильма в павильоне, конечно, проще, но «на колесах» – гораздо увлекательней. В этой книге мечтательные воспоминания о Лос-Анджелесе Алека Болдуина, проникновенное описание тура вокруг света, совершенного Малкольмом МакДональдом, истории Джоша Лукаса, Брук Шилдс, Ричарда Гранта и многих других знаменитостей, которые сделали мировой кинематограф. Лучшие истории, как всегда, собраны бессменным редактором антологий Lonely Planet – Доном Джорджем вместе с Эндрю МакКарти – редактором National Geographic Traveler.

УДК 913(100)
ББК 26.89(0)

ISBN 978-5-699-91004-5

, 2011
© Эксмо, 2011

Содержание

Предисловие	8
Воспоминания о Лос-Анджелесе	10
Я, Флют и флейта	13
Дельфинья любовь: бразильская романтика	17
Медовый месяц с акулами	20
Любовь на острове	25
По горячим точкам: через Иорданию и Сирию	31
Узнать Армению, обрести себя	38
Конец ознакомительного фрагмента.	42

Герои. 30 известных актеров и режиссеров рассказывают о своих путешествиях Авторы-составители Дон Джордж, Эндрю МакКарти

Перевод с английского *Марии Крузе*

Перевод выполнен с оригинального издания «Lights, Camera... Travel! On-theRoad Tales from Screen Storytellers», вышедшего в 2011 году.

Герои

30 известных актеров
и режиссеров
рассказывают о своих
путешествиях

Авторы оригинального издания:

Алек Болдуин, Малкольм МакДональд, Дана Дилейни, Рик Марин, Дэни Клейн Модисетт, Джош Лукас, Андреа Мартин, Брук Шилдс, Эйлин Хейслер, Рольф де Хир, Билл Бен-

нетт, Энтони Сэттин, Пол Кокс, Нил Лабут, Рик Стиве, Эйлис Кирван, Боб Балабан, Паулина Поризкова, Эрик Богосян, Ричард Э. Грант, Ник Рэй, Джо Каммингс, Роберт Коннолли, Аарон Педерсен, Стефани Марч, Сандра Бернхард, Брюс Бересфорд, Джим Шармен, Джон Сил, Энтони Эдвардс, Дэн Букатинский, Джейс Александр, Бретт Пэсел

Авторы-составители оригинального издания – *Эндрю МакКарти и Дон Джордж*

© Lights, Camera... Travel! On-theRoad Tales from Screen Storytellers

© Lonely Planet Global Limited

© Text, maps and illustrations, Lonely Planet

© Photographers as indicated

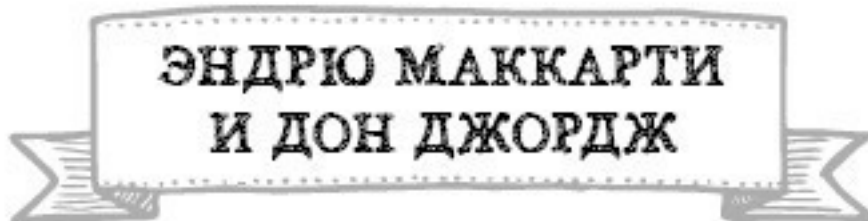
© Перевод на русский язык, оформление. ООО «Издательство «Э», 2017

Все права защищены. Полное или частичное копирование материалов, сохранение в поисковой системе или передача в любом виде каким-либо способом – электронным, механическим, записи или иным образом, за исключением кратких извлечений с целью обзора содержания, – запрещены. Полная или частичная продажа или передача в аренду материалов возможна лишь с письменного разрешения издателя. Название Lonely Planet и логотип Lonely Planet являются фирменным знаком Lonely Planet и зарегистрированы в Патентном ведомстве США и в других странах. Lonely Planet не допускает использования своего названия и логотипа коммерческими учреждениями, такими как розничные магазины, рестораны или отели. Пожалуйста, сообщите нам о всех ставших вам известными злоупотреблениях: lonelyplanet.com/ip.

Lonely Planet Publications Pty Ltd, 90 Maribyrnong Street, Footscray, Victoria, 3011, Australia.

Предисловие

Эндрю Маккарти и Дон Джордж

Эндрю МакКарти – пишущий редактор в *National Geographic Traveler*. Он также работает с *The Atlantic*, *Travel + Leisure*, *Men's Journal*, *Slate*, *Afar*, *The Wall Street Journal* и многими другими печатными изданиями. В 2010 году он получил премию Лоуэлла Томаса как трэвел-журналист года. На его счету более двадцати ролей в фильмах, в том числе «Милашка в розовом», «Меньше нуля», «Уик-энд у Берни», «Клуб радости и удачи» и «Спайдервик: Хроники». Он играл на Бродвее (мюзикл *Side Man*), часто появлялся на телевидении (сериал «Помадные джунгли») и стал режиссером многочисленных телесериалов («Сплетница»).

Дон Джордж – бессменный редактор антологий Lonely Planet. Он также написал книгу *Lonely Planet Guide to Travel Writing*. Дон был редактором отдела всемирных путешествий в Lonely Planet, редактором отдела путешествий в *San Francisco Examiner & Chronicle* и основателем и редактором раздела *Wanderlust* онлайн-журнала Salon.com. В настоящее время он является пишущим редактором и ведущим колонки обзора книг в *National Geographic Traveler*, редактором и блоггером в Gadling.com и редактором литературного туристического онлайн-журнала *Recce* (www.geoex.com/recce). Дон часто появляется в телевизионных и радиопрограммах как специалист в области путешествий и организует беседы с известными писателями. Он также является соучредителем и председателем ежегодной конференции авторов книг о путешествиях и фотографов книжного магазина *Book Passage*.

Основная идея этого сборника проста: актеры выступали рассказчиками еще во времена древних греков. И с тех пор как Голливуд вышел за пределы павильонных съемок, эти рассказчики посещали отдаленные уголки мира, чтобы потом поведать нам свои истории.

Это «типичные представители Голливуда» – настоящие бродяги, чего от них требует работа и зачастую характер. Актеры всегда путешествуют, широко открыв глаза и наострив уши (иногда неосознанно, но чаще осмысленно). Они высматривают образы, особенности поведения или интонации речи, которые можно запомнить, сохранить на будущее, чтобы в нужное время использовать в роли. Сценаристы путешествуют, прислушиваясь к диалогам, которые помогут раскрыть тот или иной характер, а режиссеры погружаются в атмосферу с целью создать на экране особенный и правдоподобный мир. Большинство кинематографистов скажет вам, что съемки фильма в павильоне, конечно, проще, но «на колесах» – гораздо увлекательней.

Мы подумали, что было бы полезно (и занятно) попросить некоторых из этих бродяг поведать нам самые личные, вдохновляющие, забавные, досадные и добрые истории о том, что происходило с ними в пути. Результат намного превзошел наши ожидания: мы получили 33 яркие, пронзительные и очень откровенные заметки от знаменитых актеров, режиссеров

и сценаристов со всего мира. И хотя эти истории происходили в самых разных уголках планеты, они отличаются настроением и сюжетами, через них красной нитью проходит одна общая тема – связь с внешним миром через путешествие может быть не только приятной, познавательной, вдохновляющей, но и вполне способна изменить жизнь.

Примерно половина этих рассказов вращается вокруг впечатлений, связанных с фильмами. Вторая половина историй не имеет отношения к кинематографу, некоторые описанные случаи произошли еще до начала карьеры рассказчика, другие – в момент затишья между триумфами или во время недолгих перерывов в работе.

Мы постарались расположить рассказы в хронологическом порядке и разбить по тематике. Мы начали с пары историй из далекого прошлого – с удивительно теплого и мечтательного воспоминания о Лос-Анджелесе Алека Болдуина и проникновенного описания эпического тура вокруг света, совершенного Малкольмом МакДональдом, когда он был юношей и путешествовал в сопровождении своей флейты и подруги по имени Флют¹.

Эти истории плавно переходят в более романтические воспоминания о Бразилии, Австралии и Гавайях. Далее мы представляем пять рассказов, посвященных теме возрождения – благодаря противостоянию трудностям пути.

Начиная с выразительного рассказа «В поисках могилы дельфина» Билла Беннетта, вас ждут 14 историй, связанных с кино. Они вращаются вокруг съемочной площадки, актеров, сценаристов и режиссеров, потчующих друг друга байками о «славных днях» и знаменитых провалах, нередко со свойственным публичным людям тщеславием. Наши рассказы передают эту атмосферу: некоторые касаются приключений и открытий, с которыми герои сталкивались в процессе сбора информации для написания сценария или съемок фильма. Другие поведают о трудностях съемочного процесса в отдаленных, диких местах и неожиданных богатствах и откровениях, которые могут стать результатом их изучения.

В последнем действии нашего эпоса, состоящего из нескольких частей, мы представляем блок семейных историй, заметок, затрагивающих темы выполненных и нарушенных обещаний, преодоленных препятствий, извлеченных уроков, противостояния смерти и стремления к возрождению. Последний рассказ книги, «В Индии жизнь – река» Бретт Пэсел, прекрасно иллюстрирует мысль, что путешествие может преподнести нам разнообразные дары, если мы открыты миру и доверяем тому, кого мы любим, и самим себе.

Находясь в павильоне или на краю света, работая по сценарию или импровизируя, в этих историях рассказчики показывают, что на самом деле они ничем не отличаются от нас: они такие же люди, по-своему уязвимые, страстные и привлекательные. И их, как и нас, может тронуть и преобразить путешествие в неизведанный мир.

¹ Флют – от *англ.* flute – флейта. (Здесь и далее – примечания редактора).

Воспоминания о Лос-Анджелесе

Алек Болдуин

Алек Болдуин снялся в 40 с лишним фильмах. Среди его работ «Битлджус», «Деловая женщина», «Майами Блюз», «Охота за «Красным октябрём»», «Гленгарри Глен Росс», «Готова на все», «Присяжная», «Тормоз» (премия Национального совета кинокритиков США «Лучший актер второго плана»; номинация на «Оскар»), «Авиатор», «Отступники» и «Простые сложности». Кроме того, Болдуин снимался вместе с Тиной Фей в сериале «Студия 30» телеканала NBC, получившем три премии «Эмми» как «Лучший комедийный сериал» (в 2007, 2008 и 2009 годах). Болдуин получил пять премий Гильдии киноактеров США, три «Золотых глобуса», премию Ассоциации телевизионных критиков и две премии «Эмми» как «Лучший актер в комедийном сериале». В 2010 году он принял участие в постановке «Эквус» Питера Шеффера (режиссер Тони Уолтон) в культурном центре «Гилд-Холл» (Ист-Хэмптон). Он играл и в других спектаклях, в том числе в постановке пьесы Джо Ортона «Развлекая мистера Слоуна» (2006 год, режиссер Скотт Эллис), театральной компании «Roundabout», в спектакле «Краденые деньги» (Бродвей, 1986 год; Театральная премия мира), в «Больших деньгах» Кэрил Черчилль (Бродвей, 1988 год), в «Прелюдии к поцелую» (Circle Repertory Company, 1990 год; Офф-Бродвейская премия), в «Трамвае «Желание» (Бродвей, 1992 год; номинация на премию «Тони»), в «Макбете» (Нью-Йоркский шекспировский фестиваль, 1998 год) и в «Двадцатом веке» (театральная компания «Roundabout», 2004 год). Он также является автором книги «A Promise to Ourselves», вышедшей в 2009 году. В 2011 году Алек получил свою звезду на голливудской «Аллее славы».

Для меня Лос-Анджелес всегда был местом страданий.

Я могу абсолютно точно сказать, что большая часть плохого в моей жизни произошла в Лос-Анджелесе, в то время как большая часть хорошего случилась в Нью-Йорке. Стоило мне только приземлиться в Лос-Анджелесе, как я чувствовал себя подавленным.

Я слышал всевозможные объяснения. Мой дядя Чарльз говорил, что «если ты действительно один на миллион, то таких, как ты, в Нью-Йорке семь». Мой друг Кен сказал мне, что Нью-Йорк – река с собственными естественными течениями, и кажется, что они несут тебя в каком-то направлении, в то время как Лос-Анджелес – озеро. Без течений. Если ты хочешь куда-то добраться, придется грести. Еще один приятель сказал: «Лос-Анджелес подвергнет испытанию все, что ты любишь, и друзей, и интересы, потому что тебе придется слишком далеко ехать, чтобы добраться до них!» Другой друг посоветовал мне открыть в себе путешественника. Заняться дельтапланеризмом. Сходить в поход в Национальный заповедник Анджелес. Но я больше тяготею к метро.

Я слышал и другую чепуху. На самом деле Лос-Анджелес не город, а «шикарнейший пригород в мире». Меня убеждали, что в «Лос-Анджелесе есть великолепный театр».

Посредственная пицца. Лучшие суши. Женщины. Кино. Я был одним из самых больших ненавистников Лос-Анджелеса всех времен. Особенно меня донимало дорожное движение. Автострада Сан-Диего, словно красная ковровая дорожка, ведущая напрямик в ад. Помню, как в 1983 году я ехал на север по шоссе 405 на своем кабриолете «Карманн-Гиа». Я направлялся на пробы в Бербанк; воздух над долиной напоминал горчичный газ, от него слезились глаза. Как-то раз я прочитал в *LA Weekly*, что залив Санта-Моника настолько загрязнен стоками, что у бывших пляжных спасателей развивался рак. С 1983 до конца 1985 года я постоянно жил в Венеце. Как же я хотел выбраться оттуда.

Теперь Лос-Анджелес кажется мне другим. Конечно, с возрастом я стал более терпимым. Но вот он, мой Лос-Анджелес, во всяком случае, мои воспоминания о нем. То, как я вижу его сейчас.

Моя первая квартира находилась на улице Ларраби, сразу к северу от бульвара Сансет. Мы с моим другом и соседом по комнате Таком проехали через страну в январе и отморозили задницы на пути через Техасский выступ. Квартира располагалась за углом от ресторана *Spago*. И от старого музыкального магазина *Tower Records*. Иногда по вечерам я часами стоял в *Tower*, размышляя, смогу ли я когда-нибудь заработать достаточно денег, чтобы купить там всю музыку, которую хочу. Я сошелся с группой сценаристов, работавших на Гарри Маршалла. Все они жили за городом. Мы частенько заходили в *Orient Express* Лью Митчелла, в районе «Миля чудес», и ели «китайскую еду для гурманов» задолго до того, как появились рестораны *Mr. Chow*². Моя подруга Дана заказывала голубят в горшочках. Затем мы возвращались в квартиру на Сансет-Плаза-Драйв, допоздна пили и занимались разными противозаконными вещами. По утрам мы приходили в себя, играя в теннис у Даны. Или звонили с Таком в *La Cienega Reservoir Courts* и представлялись выдуманным именем, чтобы забронировать корт. «Звонит доктор Кац. Я бы хотел зарезервировать корт на одиннадцать утра». Когда мы регистрировались на входе, парень в будке ни разу даже не взглянул на нас.

Через несколько месяцев мы с Таком переехали в Венис. Поселились между улицей Сансет и скоростным шоссе. Напротив нашей квартиры была пустая неасфальтированная парковка. Автомобили постоянно застревали в песке, и водители просили нас вызвать для них эвакуатор. Ночами там постоянно устраивали вечеринки. Мы кидались в непрошенных гостей яйцами, прячась, как снайперы, за стенкой нашего балкона на втором этаже, до тех пор пока они не начинали психовать и не уезжали.

С утра по понедельникам в Венеце появлялась армада муниципальных уборочных машин. Это были огромные, просеивающие песок агрегаты, которые собирали мусор и делали пляж почти таким же ухоженным, как поле для гольфа. Еще один агрегат очищал скамейки, уделанные за выходные бог весть чем. Я ходил в «Lafayette Cafe» за лучшими уэвос-ранчерос³ в Калифорнии. Повара смотрели на посетителей с робкой улыбкой. Они знали, что готовят лучшую и самую качественную еду в вашей жизни. Они знали, что сейчас вам нужно именно это место. И вы тоже знали это. Местные жители любили повторять, что когда закроется «Лаф», старый Венис умрет. Здесь я чувствовал себя персонажем фильма «Яркие огни, большой город». Звук струи горячей воды, которой проходились по деревянным скамейкам после обеззараживающей чистки. Жужжание просеивающих песок машин. Птицы, смакующие последние кусочки объедков перед тем, как их вывезут. Запахи «Лафа» и стоическое выражение лиц поваров.

Гарри Перри на своих роликах. Кафе *Figtree*. Антрепренер-чудак по имени Джинглс, хорошо знакомый со всеми уличными торговцами и актерами на набережной Вениса. Сначала он был музыкантом в прикиде сержанта Пеппера. Потом массажистом. Потом хиро-

² Легендарная сеть китайских ресторанов.

³ Яйца под перечно-томатным соусом.

мантом. Думаю, что он обошел своим вниманием только одну популярную халтуру в Венеции – не рисовал портреты Джонни Деппа.

Через три года я перебрался обратно в Нью-Йорк. Я вернулся и встретился со своей женой (ныне бывшей). Женился и переехал в долину Сан-Фернандо. Возненавидел ее. Потом начал любить ее за отсутствие претенциозности. Мы с моей бывшей частенько катались на выходные в Малибу. Долго ехали по зеленому шоссе Энсинал-Каньон. Останавливались в разных местах, вытянувшихся цепочкой над дорогой Кэнан-Дьюм и чем-то напоминающих ожерелье, образованное пляжами Матадор, Пескадор, Ла-Педра и Николас; это было до того, как власти заасфальтировали парковки и поставили счетчики. Мы сидели на крутом берегу, смотрели вниз на серферов на пляже Николас и читали воскресный номер *New York Times*. Мы заходили пообедать в *Geoffrey's*. Или в старый *Malibu Adobe*. Или в *Moonshadows*.

Или в *Neptune's Net*, где зависали байкеры в блестящей на солнце кожаной одежде.

Даже сейчас я думаю о великолепной мексиканской еде в *Tia Juana* в Западном Лос-Анджелесе. О том, как смотрю старый фильм в *New Beverly*. О *Johnston's Yogurt Farm* в Беверли-Хиллз. О музее Гетти, старом и новом. Ресторанах *Patrick's Roadhouse* и *Madeo*. Садах Дескансо. Заведении *Duke's*. О покупке рубашек в *Citron* на улице Монтана. О ресторане *Tommy Tang's*. О *Vine Street Bar and Grill*. О концертном зале имени Уолта Диснея. О том, как я сижу в ноябре на берегу на пляже Зума, завернувшись в плед. Теперь, когда я еду по Тихоокеанскому шоссе, поднимаясь вверх у пляжа Лео Карилло, чтобы полюбоваться закатом, я думаю, что... я больше не испытываю к Лос-Анджелесу ненависти. Совсем не испытываю.

Я, Флют и флейта

Малкольм МакДональд

Малкольм МакДональд превратил свою давнюю страсть путешественника к новым людям и местам в профессию (к своему большому удовольствию и удивлению) – он стал кинорежиссером. Проекты приводили его во многие экзотические места, от Коста-Рики до Северной Африки и Океании, где он снимал эпизоды *Family Footsteps* (для *Australian Broadcasting Commission*). Позже он посвятил себя историческим художественно-документальным фильмам, в том числе рассказывающим о таких невероятных личностях, как Дуглас Моусон, Джон Монаш и Уильям Бакли, снятым для ABC TV. Он также выступил как второй режиссер картины Питера Уира «Хозяин морей: На краю Земли». Фильмы Малкольма демонстрировались по всему миру и завоевали многочисленные награды, например, *Watch the Watch* (фильм о гипнозе) и *Gumshoe* (о частных детективах) получили премии Австралийского института кино и *ATOM, a Mawson; Life and Death in Antarctica* — премии Жюль Верна за «Лучший фильм» и «Лучшую режиссуру». Жизнь на планете меняется, и Малкольм стремится это понять и отобразить.

Когда на дворе начало 1970-х годов, ты юн и находишься в удивительных краях (Детройт, штат Мичиган), живешь у своей тети и размышляешь, как бы погостить подольше (потому что еда и проживание отличаются в лучшую сторону от того, что ты пробовал в Европе, впервые прибыв туда из Австралии), а затем, пьяный, стоишь наверху лестницы загородного клуба *Grosse Pointe*, где проходит чья-то свадьба, и видишь интересную девушку – итог, казалось бы, очевиден. Но нет, я не скатился по ступеням! Я лихо спланировал вниз и влюбился.

Назовем ее П. Ей оставался один семестр до получения диплома в Мичиганском университете в городе Энн-Арбор (знаменитом своей футбольной командой и Партией Людей Радуги, которую часто посещал Джон Леннон). Она жила в доме горохового цвета, обитом сайдингом, вместе с другими студентами, а я делил с ней кровать, занимающую три четверти комнаты, в которой жила еще одна девушка.

В доме обитало немало музыкантов, и пока П. была на лекциях, я решил освоить флейту, чтобы играть в их группе. Один из парней как раз играл на саксофоне и флейте и учил меня – зима была в разгаре, и мне надо было убить шесть месяцев. Однажды днем мы с П. воспользовались тем, что ее соседка по комнате была на лекции. Наша вспышка страсти закончилась пронзительной и довольно музыкальной эмоцией восхитительной П.

Тем вечером за общим ужином одна из девушек сказала: «Парень, а ты и вправду начал неплохо играть на флейте». Я ответил, что вообще не прикасался к ней в тот день, а П. подавила спагетти. С тех пор П. и прозвали Флют.

Когда Флют закончила университет (ее специализацией была психология – это важно), мы отправились с ней в путешествие по Европе на фургончике «Фольксваген», который мы

купили в Афинах. Несколько месяцев мы жили у одной семьи на острове Скопелос, так как в то время я начал писать о своих путешествиях. Флют готовила *мусаку* и, бредя по узким переулкам с белеными домами, относила ее в пекарню. Когда же она возвращалась домой с готовым блюдом, ее постоянно останавливали встречные женщины, которые хотели посмотреть, потрогать и попробовать кушанье и высказать свое мнение о ее кулинарных умениях. На закате мы любили проводить время с рыбаками – где еще можно попробовать такого вкусного осьминога на гриле, как не в Греции?

Потом мы устроились на работу в Австрии, на горнолыжном курорте Санкт-Антон-ам-Арльберг. Я целый день мерз на подъемниках, а Флют работала горничной в доме, где мы жили. Но однажды ее попросили убирать за слабоумным дедулей, и тогда мы решили, что жизнь слишком коротка!

Когда мы получили голландские номера для своего фургона, то решили отправиться в Амстердам, чтобы его продать. Но стоило нам проехать всего 23 километра, как нас остановили полицейские. Они осмотрели машину и вынесли вердикт: днище слишком ржавое, так что они доставят автомобиль в ближайший город и уничтожат его! И сделали это. Мы тоже сели на поезд до Амстердама, и эта поездка мне особенно запомнилась, потому что когда мы зашли в купе к бэкпекерам, я впервые услышал *Walk on the Wild Side* Лу Рида.

Это было замечательное туристическое комбо из мест, людей и песен. Увы, они проигрывались снова, и снова, и снова...

Не выручив денег за фургон, мы с Флют оказались почти на мели, так что вернулись в Энн-Арбор, чтобы найти работу. Мы устроились воспитателями в реабилитационный центр для психически больных женщин. Да, нам было всего по 23 года, но в Мичигане была весьма прогрессивная политика в области помощи при психических заболеваниях. В центре одновременно находились восемь пациенток в возрасте от 17 до 60 лет, Флют и я (к слову, я был там единственным мужчиной). Некоторые из женщин пытались совершить самоубийство, другие были молоды и никому не нужны, и все это было довольно страшно. Я начал писать небольшие пьесы, разыгрывающие их ситуации, а пациентки ставили их. Мы провели там почти два года, и я многое узнал о женщинах. Правда теперь, много лет спустя, я понимаю, что многое – это далеко не все.

После этой работы, скорее напоминавшей тюремное заключение, мы с Флют решили потратить накопленные деньги на путешествие из Стамбула в Австралию и отправились в путь. Как нам повезло! Перед нами были открыты почти все двери на так называемом «маршруте хиппи»: Иран, Афганистан, Пакистан, Гиндукуш, Кашмир, Бирма – нам было доступно все, правда, кроме Вьетнама, так как там все еще шла война, но в Лаосе и Камбодже мы тоже побывали.

Я так рад, что мне удалось постоять у ног огромных каменных Бамианских статуй Будды, которые потом были взорваны «Талибаном», и почти так же доволен нашей автобусной поездкой по Лаосу. Мы ехали из Вьентьяна (в то время сонного французского колониального городка) в Луангпхабанг (еще более сонную деревню). В автобусе были только местные жители. Где-то в горах все пассажиры (я вижу только одно объяснение этому – не требующее выражения коллективное предчувствие) нагнули головы, а затем мы услышали автоматную очередь. Некоторые окна выбило, но еще до первого выстрела мы все лежали на полу. Нам сказали, что это было дело рук организации «Патет Лао». Никто не пострадал. Но для меня и по сей день является загадкой, как мы все почувствовали неладное.

В Европе я использовал флейту в качестве портативного «ледокола», помогающего снять напряжение, и с нетерпением желал присоединиться ко всем музыкальным культурам, которые встретятся нам на пути. До нашего отъезда из Энн-Арбора мой учитель Сэм рассказал, что джазовый музыкант Пол Хорн играл на флейте в Тадж-Махале, и каждая нота

звучала четырнадцать секунд. «Ты должен сделать это для нас обоих», – сказал он (в тональности ми-бемоль).

Первое, что мы увидели у входа в Тадж-Махал, – табличку «ИГРАТЬ НА ФЛЕЙТЕ ЗАПРЕЩЕНО!» Уверен, что теперь там установлен специальный детектор, который реагирует на флейты, но тогда мы без труда прошли внутрь с разобранным музыкальным инструментом, части которого спрятали в складках одежды.

Я втихаря собрал флейту и начал играть второй Бранденбургский концерт № 2 Баха. Я никогда не забуду те первые звуки, дополненные великолепным эхом от купола. Конечно, к нам подбежали охранники, но потом произошло нечто удивительное. Туристы стали просить их не трогать нас и даже предлагали им за это деньги; охранники взяли их и дали понять, что я могу поиграть несколько минут. К тому времени я перестал играть по нотам и просто импровизировал с эхом. Я и сейчас улыбаюсь, вспоминая те драгоценные мгновения.

Мы заметили, что многие туристы подхватывали самые различные болезни, от дизентерии до гепатита. У нас с Флют было правило: мы можем сколько угодно есть любую уличную еду, но ни в коем случае не пить воду (даже из непальских горных ручьев). В те времена после 24-часовой поездки по Афганистану мы могли раздобыть лишь теплую «Кока-Колу» или «Фанту» – бутилированной воды не было. В столовых мы использовали йодные таблетки, на вкус это было ужасно, но за все наше путешествие Флют ни разу не заболела, а я расклеился лишь однажды – меня прошиб жуткий понос во время перехода из Афганистана в Пакистан через Хайберский проход. (Вот такая вот ирония!) Нас предупредили о присутствии боевиков в том районе, но я заставил автобус остановиться и побежал за холм, чтобы облегчиться. Удобно устроившись на корточках, я посмотрел вверх и на соседнем гребне увидел мужчин, державших в руках ружья и смеявшихся до колик. Я стремглав побежал обратно к автобусу.

К сожалению, сегодня туристам недоступна и долина Сват в Пакистане. Мы с Флют передвигались на автобусах на север вдоль реки Сват. Мы не встретили там ни одного уроженца Запада. Дорога вилась вместе с рекой, шла через ветхие деревянные подвесные мосты, и во время этих опасных поездок мы никак не могли отделаться от мысли, что пришел и наш черед. Через несколько дней Флют сказала: «Ты обратил внимание, что чем дальше мы продвигаемся вверх по долине, тем больше в каждой деревне становится мужчин с выкрашенными хной волосами?» Со временем мы достигли верхней части долины и забрались в Гиндукуш. В последней из деревень, где мы останавливались, количество мужчин с красными головами достигло примерно 80 % от всего населения. Объяснения этому я так и не нашел.

Мы с Флют решили добраться из Сингапура до Восточной Малайзии на грузовом судне (три дня мы ели только вонючий рыбный суп), а затем поплыли на резиновой лодке вверх по реке Раджанг в штате Саравак, потому что слышали, что в огромных общинных домах на сваях живут люди племени ибан (бывшие охотники за головами), и они гостеприимно встретят нас, как только мы туда доберемся. Ночь мы провели на лодке, послав на мягких резиновых бортах, а потом целый день шли в глубь неизведанной территории. Далеко за полдень мы наткнулись на общинный дом. Ибаны явно недоумевали, а капитан нашей резиновой лодки лишь усмехнулся, перед тем как отправиться в обратный путь вниз по реке.

Никто не знал, что делать (очевидно, нам были не так уж и рады), и мы просто стояли, чувствуя себя не в своей тарелке – возможности поговорить у нас не было: мы не знали языка. Дом был огромного размера, в нем жила вся деревня, более пятисот человек. Жилище со стенами из дерева и бамбука и соломенной крышей, казалось, было бесконечным. Флют уже немного преуспела в общении, расспрашивая местных женщин на языке жестов об их украшениях, как вдруг мы услышали тихое звучание деревянной флейты. Я достал из рюкзака футляр со своим инструментом, а когда открыл его, все так и ахнули: три серебристые

части флейты засияли в тающих лучах солнца, и это привело ибанов в восторг. Я собрал инструмент и начал играть нечто похожее на то, что только что услышал. Местные были в экстазе – то, что эти серебристые палочки соединились и теперь играют музыку, было чудом, да и я сам был покорен этим волшебством. Люди сбегались отовсюду. Наконец, нас пригласили в дом.

Нам предложили очень простую еду – рыбу с рисом; общий дом был освещен свечами и лампами. После ужина в нем собрались музыканты с флейтами и разнообразными ударными инструментами, мы вместе играли, а Флют танцевала с женщинами. В золотистом свете она казалась невероятно красивой! Когда пришло время ложиться спать, нам нашли место у главного опорного столба и оставили одних.

Через некоторое время мимо прошел мужчина, он показал на верхушку столба и пошел дальше. Мы с Флют взглянули за столб и обнаружили на нем опоры для ног, затем вскарабкались наверх и уселись на поперечных балках. Оттуда мы могли видеть весь дом: семьи были отделены друг от друга занавесками из грубой ткани. Мы просидели там несколько часов, наблюдая за людьми, слушая звуки, создаваемые детьми, любовниками и храпящими. Мы чувствовали ночной пульс деревни.

Мы путешествовали почти два года, посетили 17 стран и в какой-то момент добрались до Бали.

Дома, в Мичигане, брат Флют собирался жениться, и ее мать купила ей билет на самолет из Бали. Думаю, она опасалась, что если Флют доберется до Австралии, то уже никогда не вернется домой. В те времена даже курорт Кута состоял всего лишь из нескольких лачуг, и я хочу, чтобы в моей памяти Бали остался именно таким.

А я продолжил путь в Австралию и стал режиссером.

У меня до сих пор есть флейта, но я никогда на ней не играю. В последний раз на ней играла моя племянница на похоронах своего дедушки.

А что с Флют? Ну, это уже другая история.

Дельфинья любовь: бразильская романтика

Дана Дилейни

Дона Дилейни пять раз номинировалась на «Эмми» и получила две статуэтки за главную роль в сериале «Чайна-Бич». Она также снималась в фильмах «Тумстоун: Легенда Дикого Запада», «Чуткий сон» и «30 Маршрут», телесериалах «Отчаянные домохозяйки», «Пасадена», «Настоящие женщины» и «Дикие пальмы» и играла в спектаклях «Ужин с друзьями» и «Переводы». Ее также можно увидеть в сериале «Следствие по телу» телеканала ABC и фильме «Фрилансеры» с 5 °Cent. Ее страсть – актерская игра, искусство и путешествия. Отправьте ей билет первого класса, и она встретится с вами где угодно.

В 1985 году я только что переехала в Лос-Анджелес, чтобы поучаствовать в одной постановке в крошечном театре в Санта-Монике. Я уже сыграла в этом спектакле в экспериментальном театре в Нью-Йорке, и драматург, Ник Казан, любезно попросил меня принять участие в лос-анджелесской версии. Я подумала: почему бы нет? По сути, я попаду в Голливуд, уже имея работу.

И все сложилось еще удачнее. Несколько человек, занимавшихся кастингом, пришли посмотреть пьесу, и после череды проб я получила роль в кино. И не просто в каком-то фильме, а в фильме, который снимался в Бразилии. Я с детства любила путешествовать. И до сих пор чувствую приятное волнение, подъезжая к любому аэропорту. Наплевать на службу безопасности, на очереди, на людей в тренировочных штанах. Я куда-то еду! Да здравствуют романтика и приключения.

Кинокартина называлась «Там, где река становится черной». В основе сюжета лежала бразильская легенда о маленьком мальчике, ребенке красивой молодой женщины и амазонского дельфина. Мальчик рос в диких условиях у реки Амазонки и умел плавать, как дельфин. Я должна была играть монахиню в сиротском приюте, куда забрали мальчика.

Полет в Бразилию на самолете авиакомпании *Varig* был верхом роскоши. А я чувствовала себя героиней фильма «Полет в Рио». Это было все, о чем я только могла мечтать: кино, экзотические места, первый класс! Потом мы пересели в маленький самолет до Белена, столицы штата Пара, который находится в устье Амазонки. Когда я вышла из самолета и пошла через посадочную полосу, я почувствовала нечто, что повторилось годом позже во время моей следующей работы в Бразилии, с Полом Мазурски. «Когда ты выходишь из самолета, жар от земли поднимается тебе до пояса», – сказала я ему.

Я слышала, что с тех пор Белен пережил строительный бум и стал довольно современным мегаполисом. Но в 1985 году он все еще был сонным колониальным городком с красивыми манговыми деревьями и бросающейся в глаза нищетой. Несмотря на то, что я жила в Нью-Йорке, я никогда не сталкивалась с таким количеством попрошайек на улицах. Энергия Белена была через край. А еще это довольно целомудренный город. Из-за влажного климата местные жители носили минимум одежды, но то, что было на них надето, было ярким и почти детским. И повсюду были дети. Это был городок, полный семей. Я видела, как матери

отводили малышей к краю тротуара, чтобы те пописали на улице. И никого это не беспокоило. Это было удивительно, и я чувствовала себя особенно свободной.

Актеры жили в *American Hilton* — оазисе с кондиционерами, стоящем прямо на Амазонке. На такой жаре невозможно было находиться больше часа. Отель также располагал полутемным баром и бассейном. Выяснилось, что на протяжении месяца я буду совсем мало занята в съемках, поэтому у меня было свободное время, что меня более чем устраивало. Мне повезло работать с Чарльзом Дёрнингом (игравшим священника), считавшимся танцором мирового класса. После Второй мировой войны он преподавал бальные танцы в Нью-Йорке. Он часто выходил прогуляться, поест фейжоаду и выпить кайпиринью, а потом танцевал. Я никогда не встречала человека, который так изящно исполнял самбу.

Днем я гуляла по морскому порту, где на пристани выкладывали свежие, только что выгруженные из лодок морепродукты. Как-то в выходные я отправилась на Маражо, небольшой остров, расположенный в том самом месте, где Амазонка встречается с Атлантическим океаном. Я с удовольствием загорала обнаженной на белом как сахар песке, когда вдруг услышала стремительно приближающийся шум. С Атлантического океана надвигалась приливная волна, которая запросто могла меня смыть. Я чудом догребла по-собачьи к более высокому берегу, держа одежду над головой.

Но самое романтическое ждало меня впереди. Я проводила достаточно много времени у бассейна в «Хилтоне» в ожидании новостей, буду ли я работать в этот день. Я лежала на солнце (напоминаю, на экваторе) в своем слитном купальнике с леопардовым рисунком от Нормы Камали, готовая быстро натянуть монашеские одеяния. Еще никогда в жизни я не была такой бронзовой, да и с тех пор я больше так сильно не загорала. О чем я думала? Наверное, о Рио. Или о Белене.

Как-то днем я подняла взгляд от книги и увидела греческого бога со встрепанными золотистыми волосами. Он вышел из бассейна и лег на шезлонг. Я вернулась к чтению. Потом бог встал и опять пошел в бассейн, а я никак не могла найти себе места. Я заметила, что вместе с полотенцем он оставил на шезлонге открытую книгу. И я как ни в чем не бывало встала, чтобы посмотреть, на каком языке он читает. На английском, это был «Улисс» Джеймса Джойса. Кто вообще будет читать такое у бассейна? Он вышел из воды, и я удрала на свой шезлонг. Когда неизвестный красавец собирал перед уходом свои вещи, я решила, что если он пойдет в мою сторону, я буду считать это хорошим знаком и что-нибудь скажу.

С сожалением должна признать, что моя фраза для начала знакомства была слабоватой:

— Вы откуда?

— Из Ирландии.

— Правда? Вы говорите не как ирландец.

— Вам стоило бы послушать меня после пары пинт «Гиннеса».

— Ха-ха-ха!

Не могу вспомнить, кто из нас предложил позже выпить в баре. Надеюсь, что он.

Освежившись в душе, я пришла в назначенное место и увидела его издали, он стоял у бара в синей хлопчатобумажной рубашке — ослепительно великолепный. Я почувствовала себя Хаббеллом (из фильма «Какими мы были»). Мы заказали напитки и начали расспрашивать друг друга. Выяснилось, что он в одиночку путешествовал вдоль Амазонки на мотоцикле.

Белен был его последней остановкой, потом он должен был отправиться в Рио, а затем вернуться к учебе.

— К учебе? — спросила я. — Сколько тебе лет?

— Двадцать один.

— О господи!

— Ну, а тебе сколько лет?

– Двадцать девять.

– Что? Я думал, шестнадцать. А ты дерзкая девчонка!

Так и начались мои вечные отношения с мужчинами моложе меня.

Кэмерон отдыхал от учебы в Оксфорде и должен был вернуться к занятиям через пару недель. Он на самом деле был ирландцем, причем довольно известным – его отец был крайне преуспевающим бизнесменом. Следующие несколько дней мы провели, вместе наслаждаясь Беленом. Как я уже сказала, город отличался удивительным сочетанием целомудрия и чувственности. Мы ходили на местный карнавал и катались на колесе обозрения. Помню, как я сидела наверху, глядя на городские огни, и думала о том, что не может быть более сладкой жизни, чем эта. Или более странной.

Одной из местных достопримечательностей была придорожная закусочная, куда субботающими вечерами приходили все здешние семьи. Там стоял большой проигрыватель, и молодые девушки танцевали под хит *Every Time You Go Away* Пола Янга. А потом они частенько сбрасывали с себя одежду. Всю. А семьи аплодировали. Думаю, что это кафе, возможно, являлось еще и борделем.

И, конечно, мы понимали, что все это закончится, как и любая киношная романтика, и это делало наши отношения еще более пронзительными. Он отправился в Оксфорд через Рио, а я закончила сниматься очень загорелой монахиней. Именно об этом я мечтала в детстве. Экзотическое место, роман с симпатичным незнакомцем, приехавшим из джунглей на мотоцикле, и шанс сыграть с Чарльзом Дёрнингом! В то время я еще не знала о том, что большая часть моих зарубежных съемок будет проходить в Канаде. А это тоже довольно красивая страна.

P.S. Мы с Кэмероном продолжили общаться. Я провела Рождество с его семьей в Ирландии, некоторое время мы встречались. Теперь он счастливо женат, последний раз мы разговаривали прошлой весной. Бразилия до сих пор является одной из моих любимых стран, и я часто туда приезжаю.

Медовый месяц с акулами

Рик Марин

Рик Марин сначала был журналистом, а потом взялся за кино и телевидение. Он написал автобиографию-бестселлер *Cod: Confessions of a Toxic Bachelor*, работал в *New York Times* и *Newsweek*. Рик живет в Лос-Анджелесе с женой и соавтором своей книги Илей Розенцвайг и двумя сыновьями, Диего и Кингсли.

Ш-ш-шлеп!

Свежие брызги крови испачкали беленые стены нашего убежища в джунглях.

– Достала! – закричала Илей, стоя на плетеном кресле. Она чем-то напоминала наемного убийцу. В нижнем белье. Это была моя кровь. Ублюдок. Он заслуживал смерти.

– Убей их всех! – скомандовал я, сжавшись под одеялом, пока моя новоиспеченная жена свернула журнал *Hello!* взяла на прицел комара размером со слона – и... хло-о-п!

Упомянул ли я о том, что безумно боюсь комаров? Это моя комната 101 (что это такое, почитайте в романе Оруэлла «1984»). Когда я слышу над ухом их жужжание, то начинаю психовать. Их укусы оставляют огромные следы. Они жаждут моей плоти. Когда мы приехали на экокорт, расположенный в тропическом лесу на реке Дейн-три в Австралии, дожди лили уже девять дней подряд, так что «комарики» появились в большом количестве. Как только мы прибыли, директор курорта окатил нас убойным репеллентом. Или напалмом. Или еще каким-то токсичным ядохимикатом, который здесь всюду использовали, чтобы отогнать кровососущих вредителей, мучивших эту землю еще с тех времен, когда ее населяли аборигены.

Интересно: когда Ницше написал «Что не убивает меня, то делает меня сильнее», он имел в виду медовый месяц в Австралии? Или к тому времени он уже сошел с ума из-за сифилиса?

После трудного и эмоционального дня свадьбы большинство новобрачных удовлетворяется тем, что лежит на пляже, блаженствует, пьет коктейли с зонтиками и поглощает деликатесы.

Но не моя жена.

Мы поженились в Италии. В аббатстве XVI века недалеко от Портофино. Мы могли бы сесть на поезд и на пару недель уехать в Тоскану.

Но нет. Нам надо было пролететь через полмира ради «экстремального медового месяца», который должен был проверить на прочность не только наш брак, но и меня в роли мужчины с большой буквы.

Илен всегда была недостижимой. Такую репутацию она себе создала, и мне потребовался весь арсенал, только чтобы уговорить ее прийти на свидание. А это далеко не то же самое, что провести вместе остаток жизни. Но это сработало. И теперь она носит мое кольцо.

Ну, на самом деле не носит, но это уже другая история. «Экстремальный медовый месяц» казался последней проверкой, хотя мы уже были женаты.

– Поехали, – уговаривала она, – так будет веселее.

– Ага, конечно. Веселее.

Я знал, к чему это приведет. У меня в голове уже выработался шаблон. Перчатка брошена. Каждый отель, в котором мы останавливались, каждое приключение, которое мы бронировали, я воспринимал как вызов своей мужественности. Сексуальные отношения. Противоборство сил. Гендерные роли. Могу ли я обеспечить? Могу ли я защитить? Могу ли я... соответствовать? И так будет все следующие тридцать, сорок... пятьдесят лет. Смогу ли я выдержать неизбежные испытания совместной жизни и семьи – в богатстве и бедности, в горе и радости? Или буду прятаться под несвежим одеялом при малейшем намеке на проблему?

Прибавьте к этим нервирующим проблемам тот факт, что я проводил турне в поддержку своей автобиографии, *Cad: Confessions of a Toxic Bachelor*. Эта книга только что вышла в Австралии. Я писал сценарий для *Miramax*. Я решил, что если уж мы все равно собираемся там побывать, почему бы немного не порекламировать себя? Да, сомнительная идея. Но писатель не остановится ни перед чем, чтобы продвинуть свой товар.

Итак, мы здесь, слоняемся по самому опасному континенту на планете. Моя жена, любительница острых ощущений. Я, любитель безопасности. Я вспоминаю это как горячий бред, впрочем, временами, это он и был.

* * *

– Как идет? – спросила консьержка в «The Establishment», бутик-отеле в Сиднее.

Наша первая остановка в Австралии. Ростом женщина была около двух метров – стандартная австралийская супермодель, богиня сёрфинга.

– Отлично! – ответил я. – Как идет что?

Мне понадобилась неделя, чтобы привыкнуть к этому стандартному австралийскому приветствию. Если вы имеете в виду «Как дела?», почему, черт возьми, так и не скажете?

Но я приехал туда не для лингвистических споров. Я приехал, чтобы пройти первую проверку. Проверку гостиничным номером.

Наш был маленьким и темным, без видов. Илей сказала, что все прекрасно, но таким тоном, что я понял, что для меня же лучше будет договориться, чтобы нас переселили еще до того, как она вернется из парикмахерской. Да, я чувствовал себя немного подавленным, когда стоял в лобби *The Establishment*, в буквальном смысле глядя снизу вверх на ту австралийскую красотку. Я и правда не специалист по смене номеров. Я канадец. Мы говорим «спасибо» банкоматам. Но я знал, что не смогу смотреть в глаза своей жене, если вернусь в ту тесную камеру, где она меня оставила.

Я сообщил девушке на ресепшн, знойной сестре Эль Макферсон, что мы с женой приехали сюда, чтобы провести медовый месяц, и уже приготовился отправиться в стандартные каменные стены бутик-отеля. Но вместо этого она протянула мне ключ от пентхауса. «От сюта Робби Уильямса», – подмигнув, сообщила девушка. С застенчивой улыбкой она прибавила, что певец недавно здесь останавливался.

– Наслаждайтесь!

– Спасибо, – сказал я, немного потрясенный тем, как ловко я сумел «показать зубы». – Постараемся.

Когда Илей вернулась, я проводил ее в наше похожее на лофт гнездо, где мы отдыхали, как напыщенные британские поп-звезды, все то время, что побыли в Сиднее.

* * *

Я прошел первую проверку. Но впереди еще была «экстремальная часть» нашего приключения.

Остров Лизард – взаправду удивительное место для отдыха. Во-первых, именно там капитан Кук взобрался на самую высокую точку острова, чтобы высмотреть предательские мели, на которые могли сесть его корабли, а во-вторых, остров находится в сорока пяти минутах плавания от Большого Барьерного рифа.

Я попытался вскарабкаться на «смотровую площадку Кука», чтобы произвести впечатление на Илей, и это, черт возьми, чуть не убило меня. Мы были на полпути вверх (я ворчал, пыхтел и был готов повернуть назад), когда мимо нас пробежал, спускаясь вниз, шестидесятилетний старикан из Аделаиды, который накануне прикончил меня на теннисном корте. Вот с кем там приходится иметь дело. С идеальными экземплярами мужчин пенсионного возраста, играющими в футбол три раза в неделю и жалующимися на то, что они «стали медленней двигаться».

На следующий день мы поплыли на лодке к Большому Барьерному рифу, чтобы заняться сноркелингом. Без акваланга, с дыхательной трубкой. Я не люблю заниматься «спортом», где есть шанс заработать эмболию и умереть. Я мог бы вообще отказаться от лодочной прогулки, но чувствовал, что это еще одна проверка.

Так что я сидел на корточках в каюте, где любой здравомыслящий человек мог бы оценить высоту волн, скорость движения лодки и осознать тот факт, что капитан выпил столько, что скорее напоминает пинту «Фостере» в человеческом обличье. Ах да, ко всему прочему, я еще и забыл свой ингалятор. А вдруг среди косяка барракуд меня настигнет приступ астмы? Илей исчезла. Я огляделся и увидел ее на носу (или как там это называется) лодки, общающейся с глазу на глаз со Стефано, итальянцем-инструктором по дайвингу. Их разговор слишком напоминал сцену из «Титаника».

Мило. Во время нашего медового месяца. У меня не было выбора. Я надел спасательный жилет (лодка шла так: бух, плюх, бух, бух) и медленно пошел к своей любимой жене, вцепившись в ограждение так, что побелели костяшки пальцев.

– Неужели тебе было недостаточно псевдостильных итальяшек, пожиравших тебя глазами на свадьбе?

Она взглянула на меня, точнее, на мое перекошенное от ревности лицо, которое обдувал соленый ветер.

– Я просто говорила Стефано, чтобы он следил за тобой в воде. Кажется, ты беспокоился по поводу своего ингалятора.

Рослый итальянец ухмыльнулся. Он, ясное дело, не понял ни слова.

Моторы выключились, и наша лодка закачалась, как игрушка в ванне, на фоне непостижимых глубин Тихого океана. Я надел маску и ласты и с плеском перевалился через борт вместе с другими туристами. Стефано находился рядом, когда мы смотрели вниз на красоты рифа. Очень приятный парень. С невероятными мышцами живота. Стоило мне проникнуться к нему братской любовью, как вдруг раздался испуганный вопль:

– Акула!

Но кричал не я. Кричала Илей. Она только что заметила метровых песчаных акул, вившихся на дне рифа. Я тоже увидел их, но решил, что они слишком маленькие, чтобы беспокоиться. Пока Стефано успокаивал Плен, я нырнул, чтобы посмотреть на них поближе. Моя жена, дрожа, уже сидела в лодке.

Не то чтобы я вел счет, но все же я заработал одно очко.

* * *

В Австралии обитают семь из десяти самых опасных змей в мире. Когда моя сводная сестра переехала сюда, она рассказывала о скорпионах на своем заднем дворе. Мы проезжали мимо многокилометровых девственных пляжей, абсолютно пустых из-за «жалящих» медуз. Размером они всего лишь с ноготь большого пальца, но могут причинить невыносимую боль. Ты не умрешь, но будешь желать своей смерти.

Догадываюсь, что именно понимание того, что тебя постоянно может что-то убить, и стало фундаментом бравады и безответственного мачизма, которым славятся австралийцы. И не только мужчины.

Мы сделали вылазку, чтобы посмотреть жабы бега (как, вы никогда этого не видели?) в Порт-Дугласе, и нам пришлось уворачиваться от здоровенных коричневых летучих мышей, которых называют летучие лисицы. Эти чудовища резко сорвались вниз, когда Плен вступила в спор с какой-то пьяной шантрапой.

Некоторые районы Квинсленда – австралийский эквивалент Озарка⁴. Мужчины сидят в барах, где на каждой стене висят телевизоры, показывающие либо какие-то сомнительные лотереи, либо австралийский футбол (надо понимать, что там нет правил). Женщины выглядят грубыми и неухоженными в своих обтягивающих черных джинсах и не стесняются использовать крепкие словечки. Вот туда-то мы и затесались. Размышляя о чем-то своем, мы вдруг услышали фразу «американская сука». Не уверен, что местные понимали, с кем имеют дело – с девушкой-еврейкой с Лонг-Айленда. Но я почувствовал, что это плохо закончится. Я действительно должен был вмешаться, но эти бабы выглядели довольно устрашающе, и я начал ощущать себя одним из героев «Избавления». Так что я запихнул нас в такси, выслушивая обвинения этих потаскух, что мы увели у них машину, и избежал международного конфликта. Или славы на *YouTube*.

Я скажу это для австралийских леди. В Америке, Канаде и Великобритании многие журналистки осуждали меня за поведение «желчного холостяка», описанное в моей автобиографии. Но здесь реакция женщин, бравших у меня интервью для местных газет, радиопрограмм, была такой: «А он не так плох!» В сравнении с амбалами, с которыми они привыкли иметь дело, я был слабаком. Меня даже сложно было назвать грубияном. Кроме того, единственной причиной, по которой я приехал сюда, было желание счастливо провести медовый месяц. Разве я мог быть плохим?

* * *

Нашим последним «экстремальным» приключением перед возвращением в реальность в качестве мужа и жены был спуск по веревке в Голубых горах, расположенных примерно в часе езды от Сиднея. Ты надеваешь обмундирование и спускаешься вниз по склону горы. Это тоже было идеей Илей. Как только она глянула вниз, так сразу захотела домой. Но у ребят, доставивших нас туда, был девиз: «Бойся, но все равно сделай это». Он был написан на их футболках.

Я пошел первым, чтобы показать ей, что в этом нет ничего страшного. Спуск с почти 30-метровой горы был простым, как на скалодроме. Она тоже спустилась. Потрясенная, но слишком гордая для того, чтобы отказаться от следующего этапа. Шестьдесят метров. Я

⁴ О з а р к – крупное известняковое плато в центральной части США. В этом регионе культура местного населения во многом сохраняет традиционный сельский уклад ранних переселенцев.

снова пошел первым. Мне было страшно. Плен последовала за мной. Спустившись, она выглядела зеленоватой.

– Тебе необязательно продолжать, – сказал я.

– Нет, я хочу.

Я полетел вниз. В точности как ниндзя. Теперь была очередь Илен. Она собиралась с духом так долго, что поднялся ветер. Моя новоиспеченная жена билась об утес как тряпичная кукла. Инструкторы укрепили ее веревку и сказали ей продолжать спускаться. Они кричали. Я кричал. Потребовалось некоторое время, но она, покрасневшая и дрожащая, все же сумела спуститься вниз и упала в мои объятия. После двух недель, когда я ощущал себя Квентином Криспом⁵ в стране настоящих мужчин и мужеподобных женщин, мне было приятно выглядеть мачо в ее глазах. Быть парнем, на которого можно положиться.

Так в медовом месяце зародилась схема, по которой мы действуем постоянно. Один из нас побуждает другого сделать что-нибудь экстремальное или рискованное, то, что он или она никогда бы не решились совершить сами, и мы оба от этого только выигрываем.

Пугающие берега, опасные джунгли и наглые жители Австралии подарили нам девиз нашего брака и всей нашей жизни.

Бойся, но все равно сделай это.

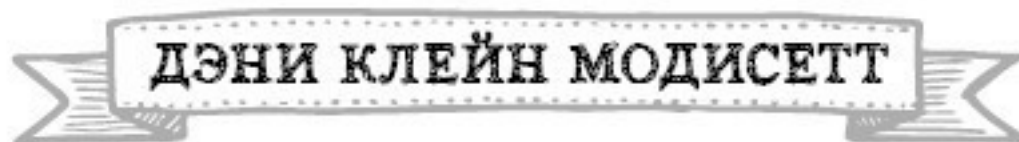
Прошло семь лет, но я до сих пор храню эту футболку.

⁵ Знаменитый британский писатель-гей.

Любовь на острове

Дэни Клейн Модисетт

Дэни Клейн Модисетт – писатель и актриса, создавшая шоу *Afterbirth: Stories You Won't Read in a Parenting Magazine*, которое выходит в прямом эфире. Сборник историй из этих программ был опубликован издательством *St Martin's Press*. Предыдущие десять лет Дэни работала актрисой на Бродвее, снималась в кинофильмах и телесериалах, выступала как комик, а потом обосновалась в Лос-Анджелесе со своим мужем. Она часто пишет статьи в журнал *Parents*, а также создала еще одно шоу, *Not What I Signed Up For*, которое рассматривает тему брака с теми же откровенностью и остроумием, с какими *Afterbirth* проливало свет на правду о родительстве. У Дэни два маленьких сына, она закончила Дартмутский колледж.

– Твои родители никогда не возили тебя на Гавайи? Мужчина с седеющими висками задал мне этот вопрос с той же серьезностью, с какой вы могли бы спросить о чьем-нибудь детстве, проведенном в скитаниях из одного приюта в другой. Стоял июнь, и мы с моим мужем То-дом приехали на встречу выпускников его средней школы. Я была не в том настроении, чтобы выслушивать сожаления по поводу того, что меня никогда не возили на тропический остров. Я получила достаточную порцию жалости, точнее, жалости к самой себе, потратив год на тщетные попытки зачать второго ребенка. Так как мы с Тодом истощили не только свои душевные ресурсы, но и семейные сбережения, пытаюсь снова завести малыша, выслушивать, насколько ужасной была моя жизнь из-за того, что меня не вывозили на каникулы в чертовы тропики, было выше моих сил, и я присосалась к шоколадному фонтану на десертном столе.

– Этот парень всегда был тупицей, – сказал Тод, когда мы ехали домой, а я время от времени погружалась в углеводную кому. – Я отвезу тебя на Гавайи, дорогая, – добавил он, убирая прядь волос, приставшую к коричневым пятнышкам шоколада на моей щеке.

На следующий день, пока наш сын Габриэль, год и семь месяцев, спал, я набрала в поиске «отели на Гавайях». Немного постучав пальцами по клавиатуре, я остановилась на *Mandarin Oriental* на острове Оаху. Я не могла отвести глаз от дельфинов, синхронно плавающих и выпрыгивающих из сверкающей голубой воды под звуки гавайской народной музыки. Как же я хотела зажмурить глаза и оказаться там. Но, к сожалению, я не была героиней фильма «Колдунья», а мы были на мели.

– Мы должны поехать, – сказал Тод, глянув на экран по пути в спальню, куда он шел, чтобы посмотреть, проснулся ли Габриэль.

– Да, точно, – сказала я, откидываясь в кресле, до сих пор загипнотизированная островами. «Ну конечно, – подумала я, – сделаем деньги из воздуха и отправимся в отпуск на Гавайи. Потом, когда мы вернемся домой отдохнувшими и посвежевшими, я могу устроиться работать в *Starbucks* и брать с собой Габриэля: по крайней мере, мы сможем бесплатно пить кофе».

Тод вернулся с еще сонным Габриэлем на руках, сын услышал мой голос и потянулся ко мне:

– Мама! Мама! Хочу к маме!

Полагаю, что необходимость почти год собирать сперму в пробирку и чувствовать, что ты не в состоянии сделать свою жену счастливой, может подвигнуть мужчину на неблагоприятные поступки, потому что Тод сдержал обещание. Он собрал все деньги, которые у нас оставались, и даже те, что у нас не было, и решил увезти своего любимого сына и очень уставшую жену для столь нужного обновления и восстановления. Это было особенно необходимо сейчас, когда стало ясно, что нас так и будет трое. Итак, мы стояли у выхода на посадку в самолет, отправлявшийся через Тихий океан. Я прикрепляла бирку к прогулочной коляске Габриэля.

– Это абсолютное сумасшествие, Тод, – сказала я, пытаюсь сложить коляску, чтобы пронести ее в самолет.

– Знаю. Они должны были придумать, как ее легче складывать.

– Я имею в виду не коляску, – заметила я, с щелчком сложив конструкцию и прищемив палец.

– Я знаю, что ты имеешь в виду, – с улыбкой ответил Тод. – Но ты заслуживаешь этого, – добавил он, освобождая мой пульсирующий от боли мизинец. – Мы заслуживаем этого. Честно говоря, мы нуждаемся в этом. И это уже решенный вопрос, так что надо просто попытаться повеселиться.

– Мама, сися, – сказал Габриэль, дергая меня за рубашку на груди.

– Ладно, милый, в самолете, – сказала я, наклонившись к нему и пытаюсь не смущать других туристов.

– Алоха, леди и джентльмены! Все пассажиры с маленькими детьми приглашаются на посадку на рейс 357 до Гонолулу.

Так как Габриэль решил как следует подзаправиться и не отпускал мою грудь все пять часов полета, к тому времени, как шасси самолета коснулись посадочной полосы, я была довольно раздраженной и очень уставшей.

Сын задремал примерно на десять минут, но умудрился проснуться как раз в момент, когда самолет приземлялся. Габриэль постоянно показывал на свои уши и визжал, пока Тод суетился, собирая наши вещи и пытаюсь избавить окружающих от этих воплей.

– Знаю, ты что-то сказал насчет того, что надо попытаться повеселиться, но на самом деле... – сказала я, держа Габриэля на своем бедре и на этот раз пытаюсь разложить коляску. Когда я выпрямилась, пристегнув сына ремнями к сиденью, незнакомая загорелая рука обви-лась вокруг моей шеи и слегка задела мою многострадальную грудь, надев на меня гирлянду из свежесрезанных орхидей. Она благоухала гибискусом и кокосом.

– Алоха, мадам, добро пожаловать на Гавайи. Позвольте вам помочь.

Как раз в это время Тод вернулся из туалета.

– Дорогой, мне только что подарили цветочную гирлянду.

– Отлично! И ты покраснела.

* * *

– Пожалуйста, сюда, друзья, – сказал мой спаситель, держа руку у моей поясницы и показывая нам направление.

Как только мы вышли на улицу, влажный воздух стал пощипывать кожу. Прохладная, мягкая, сырая погода казалась невероятно приятной. Ничего подобного никогда не было в пустыне южной Калифорнии. Нас ждал микроавтобус, который должен был отвезти нас в отель. До того как мы сели, мою шею обвила еще одна гирлянда из орхидей.

– Алоха, мадам, – сказал водитель автобуса.

– И вам алоха, – сказала я, не уверенная, как правильно ответить этому человеку с добрым лицом. Тод стоял за мной и улыбался.

– Мама, пошли! Автобус! Автобус! – кричал Габриэль, хватая меня за руку и таща по ступенькам вверх к нашим местам.

По дороге к отелю к нам подсели еще человек шесть. Каждый следующий пассажир был симпатичней предыдущего. Все были одеты в свободную, яркую одежду для отдыха; казалось, что она может упасть, если оторвется хотя бы один крючок или расстегнется одна-единственная пуговица. К тому времени я уже так долго использовала свой организм (и организм Тода) в качестве научного инструмента, что забыла, каким красивым, изящным, гладким и горячим может быть человеческое тело. И оказалось, что отдыхающие на Гавайях люди очень привлекательны. Кроме того, они приятно пахнут свежесрезанными цветами, миндальным маслом и успехом.

Войдя в лобби отеля *Mandarin Oriental* на острове Оаху, я почувствовала себя королевой или как минимум знатной особой. Это было огромное открытое пространство в восточном стиле, полное света, где главенствовала огромная, расположенная в центре люстра. С двух сторон расположились бары, подающие фруктовые напитки. Мы решили присесть и пропустить по стаканчику, а уже потом подниматься в номер. Габриэль бегал вокруг нас кругами, останавливаясь ненадолго, чтобы взять орех из бамбуковой чаши, стоявшей на столе между Тодом и мной. Перед нами стоял мужчина в белых брюках, ожидая, когда мы сделаем заказ. Обычно мне не нравятся мужчины в белом, но так как мы сидели, а он стоял на расстоянии вытянутой руки, было трудно не заметить, как они ему шли.

– Милая, ты пьялишься, – сказал Тод.

– Что? На его запонки из слоновой кости. Они явно сделаны руками. Я имею в виду, ручной работы. Они ручной работы! – сказала я, хихикая.

Со мной что-то было не так. Предполагалось то, что я в депрессии.

– Ручной работы! – кричал Габриэль, подражая мне, и схватил макадамию. Мы подписали чек и направились в номер.

– Если вам что-нибудь понадобится, обращайтесь, меня зовут Кай, – несколько минут спустя сказал носильщик, закатывая в номер наши сумки.

– Хорошо, Кай, спасибо, – ответила я, протягивая ему чаевые и думая, что он, должно быть, является родственником нашего официанта.

Я размышляла о том, что мы оказались в очень странной вселенной, где все невероятно изящны и красивы. Интересно, сложно ли устроиться здесь на работу? И есть ли у них вакансии для женщин, которые когда-то были веселыми?

Наш просторный номер был роскошно декорирован яркими мягкими тканями и свечами с легким ароматом. В нем оказалось полно гляцевых гавайских журналов. Огромное окно смотрело на океан. На большой двуспальной кровати была навалена гора подушек, застланная плотными хлопковыми простынями. В ванной висели большие мягкие полотенца, на синевато-сером бортике глубокой ванны стояла емкость с миндальной солью, которую можно было сыпать в воду при помощи маленькой ракушки. Там даже была симпатичная корзинка специально для малышей: с детским шампунем, несколькими небольшими керамическими черепашками и тремя памперсами. Они были слишком маленькими для Габриэля, но ведь на крайний случай сгодится любой подгузник. Как мы и просили, у окна стояла детская кроватка.

Я стояла и наслаждалась роскошью – но кое-что меня все же тревожило. Конечно, я была почти уверена, что мы с Тодом больше никогда не займемся сексом, не спланированным заранее, не намеченным на определенную дату и затем не проанализированным с точки зрения эффективности. Но в случае если мы все же решим вырваться из рамок и предаться

любви на острове, мы будем заниматься этим на глазах у Габриэля. Несмотря на королевское гостеприимство отеля, оказалось, никто не задумался о том, где и как мы будем выражать свою вновь проснувшуюся страсть, когда прямо под боком находится малыш.

Я осмотрела гардеробные, чтобы понять, не поместится ли в одну из них кровать – возможно, это противозаконно, но вряд ли нам придется оставлять его там на ночь. Но комнатки были очень маленькими. «Ну и ладно, – подумала я, – мы все равно не планировали сексуальных приключений. Девизом этого отпуска должна была стать фраза: «Теперь я больше не буду чувствовать отчаяния, потому что всегда смогу переехать на Гавайи и стать горничной». Что же касается отеля, каким бы он ни был шикарным, разумеется, они не обязаны думать об интимных потребностях своих гостей.

Мы разложили вещи, быстренько посмотрели бассейны, в том числе и тот, в котором обитали дельфины, выпили по несколько бокалов вина, поели куриных наггетсов с ананасовым соусом, любуясь закатом, и решили пораньше лечь спать. Ничто не может быть прекраснее звуков океана, убаюкивающих в большой мягкой постели.

– Мама! Мама! Мне здесь не нравится! – Три часа спустя Габриэль все еще кричал.

Тод сдался и отключился в час ночи, читая *New Yorker*. Он даже не пытался претендовать на то, что может успокоить своего маленького сына лучше, чем мама, и чаще всего я его не упрекала. Но той ночью я не чувствовала себя такой великодушной. В конце концов я вынула Габриэля из его кровати, взяла его к себе в кровать, и мы оба заснули.

Утром я услышала шуршание и притворилась, что сплю.

– Эй, дружок, давай дадим маме поспать, – прошептал Тод, – и пойдем поедим яйца, а потом посмотрим на дельфинов!

– Дельфины! Дельфины! – закричал Габриэль.

Я дышала тихо-тихо, пока не услышала, как за ними закрылась дверь.

Минутку я спокойно полежала в фантастической тишине, но потом решила занять место у бассейна, чтобы полностью насладиться отпускным настроением. Я натянула купальник, обтягивающий меня как презерватив, постаралась не смотреть в зеркало в полный рост, обернула вокруг бедер шаль (якобы парео) и пошла вниз. Я нашла шезлонг, удобно расположенный напротив молодого человека, который привлек мое внимание еще вчера. Его кожа была покрыта ровным загаром, у него были темные глаза и густые волнистые волосы. Он носил тонкий кожаный браслет, завязанный узлом на запястье, который так и притягивал мой взгляд. Его короткие шорты сидели на мускулистых бедрах так, словно он только и ждал, что их кто-нибудь сдернет.

Я подумала, что это могла бы быть я, улыбаясь самой себе и оглядываясь в поисках напитка. А как насчет того, что он выглядит лет на восемнадцать, а ты только что разменяла пятый десяток и приехала сюда в первый семейный отпуск, миссис Робинсон?⁶ То, что я пялилась на этого парня, должно было вызвать чувство вины. Но нет. Я ощутила себя сексуальной. Сексуальной, словно я была незамужней и бездетной. Я изголодалась по тому сексу, которого так жаждут подростки. Конечно, секс с целью деторождения заключается в том же обмене телесными жидкостями и в тех же движениях, но в нем нет ничего от тех беззаботности, вседозволенности и сумасшедшей страсти, свойственных, скажем, сексу с симпатичным, замкнутым, загорелым парнем на тропическом пляже.

Я изменила наклон шезлонга, откинулась на спину и провела рукой по волосам. Интересно, заметил ли он меня за те двадцать четыре часа, что мы провели в этом отеле вместе? Меня, знойную брюнетку, соски которой болят из-за кормления грудью. Я закрыла глаза, глубоко вдохнула и перенеслась назад во времени, когда мне тоже было восемнадцать. Мы

⁶ Героиня фильма «Выпускник» (реж. Майк Николс). Миссис Робинсон – своего рода нарицательный персонаж, взрослая дама, влюбившаяся в молодого парня.

познакомились с ним за стаканчиками прохладного огуречно-клубнично-лимонно-ананасово-мятного напитка в сверкающем спортивном зале со стеклянной стеной, через которую видны просторы Тихого океана. Мы заметили друг друга несколько минут назад, оторвав взгляды от индивидуальных телевизионных экранов, удобно расположенных на уровне глаз на каждом кардиотренажере. Мы достаточно долго смотрели друг на друга, чтобы я сказала: «Я согласна». Он налил мне чашку воды из серебристого кулера, даже не спросив, хочу ли я. Я взяла ее, глядя прямо в его нахальные карие глаза. Мы были вместе, дыша, потея, восстанавливая силы, готовы были заговорить друг с другом, а потом я услышала это:

– Мама! Мама! Иди посмотри, иди посмотри большую рыбу, мама!

Мои глаза открылись, и все изменилось. Словно я была Золушкой, и полночь уже наступила. На мое лицо вернулись морщинки в уголках глаз, грудь обвисла, сердце забухало, и я увидела, как ко мне бегут Тод и Габриэль.

Габриэль был впереди, а Тод тянул руки, чтобы успеть схватить его до того, как он свалится в бассейн.

– Привет, ребята! Ну как? – спросила я, заслоняясь от солнца рукой и легонько покачивая головой, словно вытряхивая свои неподобающие мысли, как сухой песок.

– Я думаю, он на самом деле спит, – сказала я Тоду, когда тем вечером мы вернулись в номер после еще одного ужина на свежем воздухе.

– Классно! – ответил из кровати Тод. – Иди сюда, гавайская танцовщица.

Днем я участвовала в бесплатном уроке гавайского танца на пляже, пока Габриэль спал, и мне это понравилось. Я тихонько промурлыкала несколько строчек из хита Дона Хо и забралась к мужу.

Он нежно поцеловал меня в губы, развязывая верхнюю тесемку купальника, в котором я была до сих пор. Тод отбросил треугольники ткани в сторону и притянул меня к себе. Я помнила, что его шея пахнет цитрусом и корицей, помнила, как Тод всегда обнимает меня, и утонула в его руках.

– Мама? Мама. Мама!!!

* * *

Следующим утром я почувствовала на лице солнечный свет, проникающий сквозь щель в шторах, и открыла глаза. Проспав шесть часов подряд, я ощутила себя словно заново рожденной. Но я крайне нуждалась в латте. Так как мальчики все еще спали, я быстро оделась и прокралась вниз в ресторан *Hokus*. Это необычно для курорта, но я знала, что у них есть хороший кофе и, надеюсь, *маласада*⁷, которые я принесу Габриэлю. Вчера он получил один из этих пышных, жареных, посыпанных сахаром пончиков и, засыпая (второй раз за прошлую ночь), говорил о них.

– Я только что слышала, как ребята на улице обсуждают рекордные для этого острова волны. Это правда? – спросила я официантку, подогревающую для меня молоко.

– На Северном берегу зафиксировали утром 15-метровые волны, – ответила она. – Пара помощников официантов встали сегодня пораньше, чтобы поехать туда и посмотреть на них. Вам тоже стоит съездить. Но отправляйтесь пораньше, там будет толпа.

– О, здорово! Мы обязательно поедем! – сказала я.

Я хотела вживую посмотреть, как катаются сёрферы, пока мы были там. Я взяла пакет с пончиками для Габриэля и поспешила в номер. Когда я открыла дверь, они с Тодом бегали и смеялись, придумывая имена для глиняных черепашек.

– Одевайтесь, мы поедем смотреть на самые большие волны!

⁷ Маласада – гавайские пончики.

- Одевайся! – сказал Тоду Габриэль, подражая мне, и засунул в рот сладкий пончик.
- Хорошо, – ответил муж.
- Хорошо! – закричал Габриэль.

Мы добрались до самого желанного пятачка для наблюдения за волнами: люди стояли уже повсюду. Я нервничала, потому что считала, что это не самое безопасное место для Габриэля, кроме того, у нас заканчивался солнцезащитный крем. И тут я заметила первую огромную волну, направлявшуюся к берегу. В считанные секунды мы увидели, как из океана поднялась, словно вытягиваемая богом, стена воды. Мы трое схватились за руки и не могли оторвать взгляд от сёрферов (отсюда они казались размером с блох), покоряющих эти волны. Вода разбивалась о берег и возвращалась обратно в океан с ужасающим грохотом. Я посмотрела в лицо Габриэля, и, хотя он толком не мог это выразить, было очевидно, что он только сейчас понял, что значит слово «потрясающе».

Восхищение и недостаток сна последних нескольких дней утомили его, и, когда мы ползли вдоль побережья обратно в отель, Габриэль заснул в своем автокресле.

- Ого, – сказала я Тоду, – здесь и правда очень красиво.
- Угу, – согласился муж.

– Так что тот парень на твоей встрече выпускников не абсолютный тупица. Я имею в виду, у него хотя бы хороший вкус.

- Как и у меня, – сказал Тод и взял меня за руку. – Хорошо, что мы это сделали, правда?
- Да, – ответила я, целуя его в ухо. – Спасибо.

Габриэль все еще спал, когда мы вынесли его из машины и закатали в номер в коляске. Тод поставил его в самый темный угол номера и достал из-под нашей подушки шоколадку в форме дельфина. Он развернул ее, откусил и положил оставшийся кусок мне в рот. Мы вместе лежали на кровати, наслаждаясь сладостью и тишиной. Мы целовались, снимая друг с друга одежду, как в старые добрые времена.

И даже лучше.

Садясь на самолет в конце нашего путешествия, я продолжала думать о четырех словах, которые прочитала на подставке под бокал в лобби, куда мы зашли в первую очередь, приехав в отель. На одной стороне было написано «Aloha aku, aloha mai», на другой – «Дари любовь, получай любовь».

Через две недели после того, как мы приземлились в Лос-Анджелесе, я поняла, что беременна.

По горячим точкам: через Иорданию и Сирию

Джош Лукас

Джош Лукас родился в начале 1970-х годов в Арканзасе и провел детство, путешествуя со своими родителями-активистами, которые организовывали митинги протеста против ядерного оружия по всему Югу. В конце концов семья осела в маленькой рыбацкой деревне в штате Вашингтон. В средней школе, в которой учился Джош, можно было принять участие в программе дебатов и драматургии, признанной во всей стране и удостоенной многих наград. С тех пор он путешествует и работает актером.

Если быть честным, та «индустрия развлечений», в которой я работаю более двадцати лет, может запросто вас доконать. В начале зимы 2010 года я обнаружил, что я, образно выражаясь, валяюсь в грязи, окровавленный и побитый, с ужасной головной болью. Прекрасное обещание великолепной карьеры просто пронеслось мимо меня, жестоко свалив с ног. Будучи отбракованным, я осознал, что принял эту неудачу слишком близко к сердцу и что теперь у меня нет перспектив. Так что я решил в одиночку поехать куда-нибудь, где я еще не был, – именно это требовалось мне, чтобы успокоиться. Я хотел полностью погрузиться в неизвестный мир, поэтому выбрал Ближний Восток.

Несколько дней спустя я приземлился в Израиле. Чувствуя себя зомби из-за бессонницы, я беззаботно промчался через самый безопасный в мире аэропорт. Пройдя таможенный досмотр, я был в замешательстве: все изученные заранее источники подготовили меня к тщательному обыску или, по меньшей мере, серьезному допросу. И вот я оказался в Израиле, а никто даже не взглянул на мои вещи.

Я сел на автобус до ближайшей остановки рядом со Старым городом Иерусалима. Стоило мне пройти через Дамасские ворота, как меня сразу же захватили краски, звуки и ароматы древнего рынка. Я был в восторге и на какое-то время потерялся в лабиринте Старого города. Я дошел до Мусульманского квартала и быстро закинул свои сумки в хостел, расположенный в 500-летнем здании с мраморными полами. Потом я вышел на улицу и невольно произнес: «О, Господи». Я шел, в буквальном смысле слова разинув рот, глотая все новые и новые впечатления. Я брел по Иерусалиму, чувствуя сосредоточение духовности и эмоций, кипевших внутри этого умопомрачительного творения рук человеческих, славящего Бога. Здесь не было никаких сомнений в присутствии Господа. Я также чувствовал полное умоисступление. Мне сразу же стало понятно, почему за это место воюют. И почему оно излечивает души.

Я решил передохнуть, так что вернулся на рынок и зашел в кафе, где должен был встретиться с Филиппом: военным фотографом-евреем. Он родился в Африке и вырос во Франции, но последние шесть месяцев жил в Иерусалиме с женой, режиссером-документалистом, и тремя маленькими детьми. Он уже сказал мне по телефону, что очень любит показывать людям нетуристический Иерусалим. Пока мы пили кофе рядом с Яффскими

воротами, этот очень увлеченный и веселый человек, говорящий на французском, иврите, английском, арабском (и еще трех других языках, которые он не использовал, пока мы были вместе), рассказал мне, что он уже известен у израильских военных как «любитель арабов» и не может спокойно относиться к этому военному конфликту. Они с женой старались максимально подробно освещать происходящее.

– Ты хочешь это увидеть? – спросил он. – Готов пойти со мной?

Мы быстро шли через Христианский квартал по Виа Долороза – пути, по которому шел Иисус, неся свой крест к месту распятия. Филипп рассказывал мне о бедственном положении палестинцев. О своей боли, гневе, осуждении сионизма. Мы тяжело дышали, поднимаясь по крутой Елеонской горе, а он рассказывал о кварталах, мимо которых мы проходили.

Мы ступили на Западный берег реки Иордан. Он сказал мне, что за нами наблюдают израильские солдаты. Я видел их над нами, в оружейных башнях, когда мы брели по пустынным улицам в глубь Палестины. Дома были в буквальном смысле разделены пополам огромными бетонными плитами. Мы нашли немало пустых оболочек ракетных снарядов, оставшихся после недавнего обстрела. Дошли до того места, где на перекрестке у стены располагалась одинокая автозаправка. Когда мы спросили ее хозяина, что он об этом думает, тот сказал: «И эта стена упадет. В Германии для этого понадобилось тридцать лет, а здесь стена стоит всего семь». Он улыбнулся.

Мы поднялись туда, где базировалась израильская военная группа, защищавшая большое еврейское поселение. Огромную бетонную стену украшали произведения Бэнкси и другие граффити.

Утомленные, мы сели на палестинский автобус, чтобы вернуться в Старый город, въехали в него через Львиные ворота и отведали самый вкусный хумус в городе. Я сказал Филиппу, что хочу провести в Израиле несколько дней, а потом полететь в Турцию. Он сказал, что есть вариант получше.

– Езжай туда через Иорданию и Сирию.

Решив последовать предложенному Филиппом маршруту, через несколько дней я вышел из хостела с переполненным рюкзаком на улицы еще спящего города. Было раннее утро. Я купил у уличного торговца кофе и несколько арабских лепешек с дыркой посередине. Я ждал у отеля *Golden Wall Hotel* палестинское маршрутное такси, идущее до моста короля Хусейна, пограничного перехода из Палестины в Иорданию. План был таков: как можно быстрее добраться до Дамаска в Сирии, потом сесть на поезд до Алеппо, тоже в Сирии, а потом проехать через Турцию до Стамбула.

Маленький автобус был переполнен. Мы просидели около часа. Потом нас всех заставили вылезти и купить билеты, из-за чего я потерял свое место у окна. Теперь я был зажат на заднем сиденье с десятилетним мальчиком, который ел какую-то вонючую лепешку с мясом. Сначала он не хотел садиться рядом со мной, но в конце концов мать смогла его заставить, так как это было единственное оставшееся место. Мы въехали на Западный берег реки Иордан, потом проехали через пустыню, мимо верблюдов, бедуинов, гонящих стада коз, а также через многочисленные стройки. Это была красивая пустыня. Кремового цвета. Маленький мальчик повернулся ко мне и сказал:

– Я умный. А ты умный?

– Надеюсь, что да. Ты хорошо говоришь по-английски, – сказал я ему.

– Томас Эдисон был умный, – сказал он.

Мы подружились. Автобус следовал в Иорданию через реку Иордан, маршрут предполагал усиленный армейский контроль. Мы вышли, чтобы заплатить внушительный налог на выезд. Чиновник спросил насчет моей визы.

– Я все как следует изучил и хотел бы купить визу сейчас, – сказал я.

– Нет, здесь нельзя. Вы должны ехать обратно в Иерусалим.

Некоторое время я спорил, но выяснил только, что я на самом деле могу получить визу – но только на северном пограничном переходе, расположенном в ста тридцати километрах отсюда.

Наскоро проведя переговоры, я заплатил таксисту небольшое состояние и отправился в путь. Обратно в Палестину и Израиль. Так как я ехал в палестинском такси, проверка безопасности и отношение израильских военных были жесткими, по-настоящему пугающими. Они почти по винтику разобрали машину. Еще час – и мы добрались до северного пограничного перехода. Я вышел и пошел пешком к пропускному пункту. Там мельком взглянули на мой паспорт и махнули рукой, чтобы я проходил. Никакого штампа. Никаких вопросов. Ничего.

Вот и все, я в Иордании.

Я сказал местному водителю автобуса, что хочу доехать до следующей границы и попасть в Сирию.

– У вас есть виза?

– Нет, – ответил я ему, – мне сказали, что я могу получить ее на границе. Это может занять десять часов, но это возможно.

– Нет, вам надо ехать в Амман.

Немного поспорив, водитель согласился провезти меня через Ирбид до сирийской границы у Эр-Рамты. По пути он рассказал мне, что 15 лет жил в Техасе и так скучает, что почти не может говорить о нем без слез.

– Техас – земля свободы, настоящей свободы, совсем не как это место. – Он сердито показал на пустыню, по которой мы ехали.

Следующий час он рассказывал мне о своей жене, которая также была его адвокатом и о которой он отзывался как о «просто суке... прошу прощения». Водитель объяснил, что это она вышвырнула его из Америки, хотя и сама была иорданкой. Пока мы ехали, ему кто-то позвонил, он некоторое время слушал, а потом повернулся ко мне:

– Сегодня твой счастливый день. Мой знакомый знает главного парня на сирийской границе. Он провезет тебя через границу, ты заплатишь ему шестьдесят динар, и он довезет тебя до самого Дамаска.

Конечно, сотня баксов за трехчасовую поездку и визу... Мы проехали через Ирбид, который, как и вся Иордания, казался очень суматошным. Водитель с гордостью рассказал мне о местной улице, на которой было так много магазинов, торгующих вязаными изделиями, что она попала в Книгу рекордов Гиннеса.

Он мне нравился. В конце концов, мы затормозили, и я познакомился со своим проводником в Сирию. Он был угрюмым, не говорил по-английски и казался немного испуганным. Мои спутники убедились, что я достал и уничтожил все бумаги, валюту и другие свидетельства того, что я был в Израиле. Благодаря тому, что я заранее кое-что узнавал о предстоящем путешествии, я был готов к этому. Я продолжал думать о том, как печально, что евреи и арабы так ненавидят друг друга, что ни одна из сторон не пустит туристов в свою страну, если до этого они побывали во «вражеском» государстве.

– У тебя есть деньги, чтобы заплатить полиции?

– А сколько нужно?

– Всего несколько динар.

Мы тронулись. Ехали быстро, но поездка к границе была долгой; земля казалась более скудной и бесплодной, а дорожное движение – более хаотичным. Нас пропустили через границу взмахом руки. Я улыбнулся, водитель знаком показал мне – «еще рано». Еще один контрольно-пропускной пункт. Мы без труда миновали и его, так как водитель, казалось, был знаком со всеми.

Потом мы остановились и вошли в металлический амбар с грязным полом, где около сотни мужчин переругивались, стоя во множестве очередей. Единственная женщина, которую я там заметил, была одета в паранджу, так что я не мог видеть ее глаз. Я оказался единственным представителем Запада. И здесь мне впервые стало не по себе. Мой проводник бегал туда-сюда. Я стоял в очереди. Он поговорил с таможенником – мне поставили штамп. Мы прошли еще одну проверку, и еще одну, а потом я понял, что мы в Сирии, и расслабился.

Затем мы подъехали к квадратному строению в коммунистическом стиле. Я последовал за водителем внутрь. Это была сирийская таможня, причем достаточно большая. И все, что мы преодолели до сих пор, показалось мне легким. Я видел длинную стеклянную стену, к которой выстроились многочисленные очереди. За таможенниками располагался пустой участок с мраморным полом и стеклянная стена, за которой стояла другая группа таможенников, отражавшихся в ней, как в зеркале. Мы заняли место в нескольких очередях, мой посредник суетился, и, наконец, я оказался в очереди для иностранцев-дипломатов. Я дал паспорт крупному мужчине в замысловатой униформе. Он бегло взглянул на документы и сказал:

– Нет. Визы не будет. Возвращайтесь.

Мой проводник начал что-то быстро объяснять.

– Нет. Возвращайтесь. Ждите пять минут, – снова сказал крупный мужчина.

Мой проводник убежал.

Передо мной встала группа молодых китайских бизнесменов, они протянули крупному мужчине свои паспорта.

– Нет. Визы не будет. Возвращайтесь.

– Но мы тоже социалисты, мы приехали из социалистической страны, – по-английски крикнул крупному мужчине один из бизнесменов.

– Нет, возвращайтесь. Ждите пять минут. Сядьте.

Я ждал. Потом снова подошел к крупному мужчине:

– Вы говорите по-английски?

– Да.

– Мне сказали, что я могу здесь подождать, а потом вы можете дать мне визу в Сирию, прямо здесь. Я могу подождать, но это правда?

– Нет, визы не будет. Возвращайтесь. Ждите пять минут.

Это происходило каждые несколько минут с разными людьми, которые подходили, с разными группами. Я был единственным американцем. Это казалось игрой, так что я ждал, потом мужчина, тихо сидевший в углу, сказал, что они уже три месяца не дают американцам сирийские визы. Я посмотрел на своего проводника, носившегося по всему грандиозному зданию. Он казался мне очень взволнованным.

Я снова подошел к крупному мужчине:

– Ладно, если визы не будет, могу я получить назад свой паспорт?

– Нет, визы не будет. Возвращайтесь. Ждите пять минут.

– Чтобы вернуться, мне нужен паспорт.

– Возвращайтесь в Иорданию.

– Я вернусь, но мне нужен мой паспорт.

– Ждите.

Это продолжалось еще час, я то терял, то вновь обретал надежду, это было похоже на бесконечную игру в йо-йо, и мое сердце тяжело билось. Проклятье, какого черта я решил вообще ехать в Сирию? Плохи дела. Я американец и нахожусь на границе двух стран, обе из которых ненавидят Штаты, и у меня забрали паспорт. Никто не знает, что я здесь.

Какого черта потеря роли в голливудском фильме привела меня к опасному пересечению границы Сирии, словно я торговец наркотиками или оружием?

Крупный мужчина за стеклом встал и закричал мне:

– Вы переходите на другую сторону и идете!

– Мне нужен паспорт!

– На другой стороне.

Перепуганный, я покинул здание без паспорта, со своим уже обезумевшим водителем. Он поспешно проехал вперед, к следующему контрольному пункту, чтобы получить еще один штамп на неубедительном документе. Они неохотно дали ему проштампованный документ, и мы двинулись вперед.

Как ни странно, я был в Сирии.

Без паспорта.

Буквально минуту.

Мы развернулись и поехали назад, припарковались, снова вошли внутрь, теперь с другой стороны стекла. Пограничники совершенно не понимали, что мы с моим проводником им говорили. Там сидел какой-то скандинав, все его сумки лежали на полу. У меня появилось недоброе предчувствие. Он подошел и сказал, что ему не отдадут паспорт, пока он не найдет водителя до Ирбида, и спросил, не могу ли я взять его с собой. Я был не против, но сначала мне нужно было вернуть свой паспорт.

После долгих споров и совершенно кафкианской ситуации офицер, наконец, подошел к окошку с моим паспортом. Я потянулся, чтобы взять его, а он легонько отодвинул его назад. Его жест был едва уловим, но он продолжал так делать минут пять. Туда-сюда. Он держал мой паспорт так, чтобы я чуть-чуть не мог до него дотянуться, просунув руку через окошко в стекле. Он задавал мне вопросы, говорил «хорошо», а я снова пытался взять паспорт, а он немного отодвигал его. Наконец мы с несчастливым скандинавом оказались на улице с паспортами и вместе с багажом отправились назад в Иорданию. Мой водитель был очень огорчен и все выпрашивал, сколько я теперь ему заплачу.

– Ну, смотри, мне теперь надо ехать в Амман, – сказал я. – Ты не доставил меня в Дамаск, так что я дам тебе шестьдесят динаров, чтобы ты отвез меня в Амман.

Скандинав воскликнул:

– Почему вы ему переплачиваете?

– Мне надо вернуться в Иорданию, в Амман. Я согласен заплатить ему. Это мое дело.

К нам подошел состоятельный на вид человек и выступил как переводчик. Он сказал мне, что мой проводник ответил: «Нет, слишком мало денег». Затем, игнорируя меня, он объяснил моему проводнику, что скандинав хочет поехать в Ирбид.

– Сколько?

– Несколько динаров, – выдавил костлявый скандинав.

– Нет.

Все это время я тоже пытался торговаться, но только для того, чтобы добраться в Амман. Наконец, переводчик сказал скандинаву, что поездка в Ирбид будет стоить двадцать динаров, на что тот разразился пугающим сумасшедшим хохотом, сетуя на то, что я плачу водителю слишком много. Он ушел, восклицая:

– Это настоящее безумие! Безумие! Безумие!

Мы договорились, что меня довезут до Аммана за сто динаров. Я пока ни копейки не заплатил этому парню, он потратил на меня почти весь день, а Амман находился в нескольких часах езды. Переводчик объяснил, что Америка перестала пускать сирийцев с оформленными визами США, так что сирийцы платят той же монетой. Официально они говорят, что вы можете приехать, можете получить визу, но на самом деле это не так. Кажется, что в этой части мира очень распространен принцип «око за око». С кармической точки зрения, сто баксов за целый день поездки на такси, водителя и все это сумасшествие – не так уж и много.

Мы отправились назад в Иорданию, через первый из четырех контрольно-пропускных пунктов, где пограничники начали выяснять, где мой сирийский штамп.

– Я его не получил, – объяснял я, – мне его не поставили.

На каждом контрольном пункте мой проводник давал взятки и льстил таможенникам. На одном из пунктов пограничники вошли в раж и действительно разобрали такси на части.

Наконец, мы вернулись в Иорданию. Мы затормозили всего в 30 метрах от последнего контрольно-пропускного пункта. Проводник передал меня в руки своего сына, который сидел в очень ветхом такси. Он объяснил на языке жестов, что очень устал, а тот автомобиль, в котором мы проехали целый день, не пустят в Амман. Проводник хотел денег. Я нехотя согласился и заплатил ему, а потом его сын без конца спрашивал, как доехать до Аммана. Старик, явно очень утомленный этим днем, сдался, протянул сыну свои ключи и удрученно пошел к маленькому такси. Мы снова были вместе. На языке жестов он сказал мне, что сожалеет и что его друг на сирийской границе его обманул. Он снова и снова изображал, что плюет на него. Водитель казался расстроенным, утомленным, очень злым и при этом смущенным. Я ему сочувствовал. Он пригласил меня к себе домой, чтобы поесть и поспать. А в Амман предложил поехать на следующий день.

– Я просто не могу этого сделать, – сказал я.

Он вздохнул, и наше длительное путешествие началось. Мы несколько часов плелись по пустыне, а затем въехали в широко раскинувшийся город. Наша поездка через Амман до аэропорта заняла около двух часов. Нетуристическая часть города была достаточно большой и выглядела устрашающе, повсюду горели огни; из-за смога и пыли небо было темным. Это место было неприглядным, мрачным, печальным, казалось, ему не будет конца. В большинстве квадратных бетонных зданий не было окон. Сочетание худшей части промышленного Квинса и того района Тихуаны, где собирают автомобили, – вот что представляла собой моя двухчасовая поездка через Амман. Я не увидел ни одного клочка зелени, ни одного дерева, все было почти бесцветным. Мужчины пили чай, сидя на ковриках посреди дороги, наливая его из чайника, похожего на лампу Аладдина.

Ранее скандинав рассказал мне, что пробыл в Аммане два дня, возненавидел его и решил убраться оттуда; он посоветовал мне держаться от этого города подальше. Наконец, мы оказались у аэропорта. Я попрощался со своим проводником, который, казалось, почувствовал большое облегчение, освободившись от меня. Мы обнялись. Теперь я думал, что он был честным парнем, пытавшимся подзаработать, но это был не его день, ведь друг-сириец его подвел. И, конечно, мой водитель получил не так уж много денег за десять часов за рулем, переживания и споры. К тому же он серьезно рисковал, пытаясь подкупить чиновников, а все ради того, чтобы перевезти американца через один из самых скверных пограничных переходов на Земле.

После нескольких часов сна в ужасном *Golden Tulip*, единственном отеле поблизости, я вернулся в здание аэропорта. Я ругался с менеджером *Turkish Airlines*, чтобы он разрешил мне купить билет. По громкой связи объявили посадку на мой рейс в Стамбул. Иорданский таможенник был очень раздражен. У меня не было штампа из Сирии. Опять во всем виноват Израиль. Чиновники и военные задержали меня и допрашивали около получаса. В какой-то момент меня окружили полицейские; все они пытались понять, почему у меня нет хотя бы клочка бумаги с сирийским штампом. Наконец, после того как я уже умолял их позволить мне просто уехать из их страны, они отпустили меня.

Я сидел в самолете, летящем в Стамбул, и женщина, сидевшая рядом, сказала мне:

– О! Сирия волшебна!

А я абсолютно искренне ответил:

– Я был там однажды, но увидеть мне удалось немного.

– О, вы должны вернуться!

В тот самый момент, сидя в самолете, летящем над Сирией, я осознал, что у меня опять есть перспективы. Что мое эго снова в норме. Что сила и красота путешествия, даже очень проблемного, вернули меня к жизни.

Благодаря Иордании, Сирии и этой поездке в целом я вновь увидел свою цель. И с нетерпением ждал возвращения.

Узнать Армению, обрести себя

Андреа Мартин

Андреа Мартин – мать двух замечательных сыновей, а также актриса театра и кино. Она получила две премии «Эмми» за сценарий «Секонд Сити ТВ» и премию «Тони» как актриса второго плана в бродвейском мюзикле «Мой лучший год». Кроме того, она получила еще три премии «Тони» в других номинациях. Также Андреа снималась в фильме «Моя большая греческая свадьба», за который получила премию «Выбор народа» за «Лучший актерский ансамбль». Она выступила сценаристкой и исполнительницей двух моноспектаклей, *Nude Nude Totally Nude* и *Andrea Martin: Final Days! Everything Must Goll*. В настоящее время Андреа пишет книгу для издательства *HarperCollins Canada*.

Долгое время я хотела быть еврейкой. Прежде всего, я была немного похожа на представителей этого народа. Ну, большой нос, темные глаза, пробивной характер. К тому же те евреи, с которыми я общалась (Марк Финке, мой первый бойфренд, доктор Алан Хейфец, мой педиатр, и Дженет Шур, моя лучшая подруга), получали удовольствие от жизни, будучи евреями. Они гордились своей национальностью. У них было чувство собственного достоинства.

В отличие от меня. Мои родители, Сибил и Джон Мартин, приложили большие усилия, чтобы ассимилироваться и похоронить наши этнические особенности – у нас были армянские корни, как у Шер, Майка Коннора, Шарля Азнавура и клоуна Кларабель. И знаете, у кого еще? У Арлин Френсис из шоу *What's My Line*. Фамилия моего дедушки была Папаян, но когда в 1920 году он приехал в США, то увидел написанное на борту грузовика имя «Мартин». Его-то дедушка и взял в качестве нового семейного имени. Грузовик он тоже забрал себе.

И даже в 1991 году, когда я решила написать сценарий своего первого моноспектакля, я не знала, где искать Армению на карте. Я думала, что это далекая страна, поставляющая замороженную пахлаву в магазинчик на углу. На самом деле, еда была единственным, что ассоциировалось у меня с Арменией. Как я собираюсь писать моноспектакль, если не знаю своих корней? Как мне стать женщиной, которая собирается откровенно рассказать о себе почти все? Вплоть до этого момента я играла различных персонажей, прячась за очками, шляпами, париками. Смогу ли я быть на сцене самой собой без всякой бутафории, достаточно ли будет только меня? Существовал всего один способ выяснить это. Я забронировала авиабилет в Армению.

– Господи Иисусе, Андреа! Почему ты хочешь отправиться туда? – спросил отец. Во время нашего разговора он все больше и больше раздражался.

– Потому что я хочу выяснить, что это значит – быть армянкой, папа.

– Там ты этого не узнаешь. Люди бедные. Страна грязная. У них ничего нет, – злился он. – Кроме того, твои родственники родом из Турции, и все они умерли.

Я явно ничего не знала о своем прошлом. Я отправилась в библиотеку и просмотрела все, что когда-либо было написано армянами, для армян или об армянах. Папа был прав. Историческая Армения когда-то была огромной и богатой территорией, раскинувшейся между Черным и Каспийскими морями до восточной Турции. После веков римских, персидских, арабских, монгольских и турецких вторжений Армения превратилась в маленькую коммунистическую страну. Армения: население три миллиона. Крошечная республика, занимающая 29 тысяч квадратных километров на юго-западной окраине Советского Союза. Окружена Грузией, Азербайджаном, Ираном и Турцией.

Стоп. Это было первое государство в мире, принявшее христианство. И это впечатляло. Я продолжала читать с благоговением и восхищением. Армения, где причалил ковчег Ноя. Армения, где был придуман алфавит. Гордая нация, существующая три тысячи лет. Мне нравились эти слова. Благодаря им я чувствовала себя бесстрашной. Отважным воином, почти Тиграном Великим. Может быть, какая-то высшая сила выбрала меня, чтобы я вернула Армению на карту. Если Шер (по фамилии Саркисян!) не собиралась возвращаться к своему народу, может быть, это стоит сделать мне. У Фонды был Вьетнам, у Стинга – джунгли, но Армению пока еще никто не выбрал. Я закрыла глаза. И представила свое лицо на почтовой марке.

Я подготовилась к поездке. Связалась с армянами, которые назвали мне имена других армян, с которыми тоже можно связаться. И где они прятались все это время? Каждый встреченный мною армянин хотел помочь. В моей записной книжке было больше фамилий, заканчивавшихся на «ян», чем в телефонном справочнике города Фресно⁸. Сумка была набита «сувенирами», которые меня попросили привезти. Зажигалки «Vis», жевательная резинка, колоды карт, бижутерия, шарфы, кофе, туалетная бумага, бумажные салфетки, детская одежда, игрушки и мои глянцевые фотографии «восемь на десять». Последний пункт был очень важен, как мне сказали: «Ты – знаменитая армянка. Люди будут гордиться».

К тому времени, как я села в самолет, я была похожа на Маргарет Мид, готовую исследовать аборигенов. Я везла с собой видеомаягнитофон, маленький кассетный проигрыватель и 35-миллиметровую камеру. Я была взволнована. И полна надежд. Я знала, что когда моя нога ступит на армянскую землю, я окажусь дома.

Именно сейчас я хотела перефразировать Томаса Вулфа: «Домой возврата нет в первый раз»⁹. Когда 19 часов спустя (именно столько времени я провела на борту самолета дьявольской авиакомпании «Аэрофлот») я на самом деле ступила на землю, я могла только благодарить Бога за то, что выжила. В салоне самолета жужжали мухи, с потолка свисали куски обшивки, ремни безопасности не пристегивались, а стюардесса проспала весь полет. Прямо перед взлетом два пилота, шатаясь, бродили по проходу. Я была уверена, что они искали кабину. Но ни один из трехсот пассажиров-армян, с которыми я летела, не жаловался. На самом деле, они казались счастливыми. Мужчины стояли в проходах, курили одну сигарету за другой, смеялись. Женщины сидели в теплых пальто, сторожа свои сумки. Люди пели. Они возвращались домой к тем, кого любили. Меня еще никогда не окружало столько армян. У нас были похожие черты, одинаковый цвет кожи. Но мы казались совершенно разными.

Прохождение таможни заняло четыре часа. За застекленными отсеками стояли вооруженные русские солдаты. На пути из аэропорта в отель я видела, как на обочине дороги резали овец, босоногие дети спали в домах-временках, я видела заброшенные недостроенные здания. За окном стояла сорокаградусная жара. И куда бы я ни посмотрела, повсюду были скалы. Я знала, что Армению называют «землей камней» и только десять процентов ее территории покрыты лесами. Она казалась такой бесплодной и выцветшей.

⁸ Во Фресно проживает около 50 000 армян, что составляет примерно 11 % населения города.

⁹ Имеется в виду книга Томаса Вулфа «Домой возврата нет».

Дальше еще хуже. Сельские женщины в бесформенной поношенной одежде, сидящие на земле и продававшие йогурт и дыни. Мужчины, гонящие тощий скот прямо посередине дороги. Стоящие без дела автомобили. Ничто вокруг не казалось мне забавным. Моноспектакль? Я лишилась всех остатков чувства юмора. Я не знала, чего ожидала, но явно не этого. Всю свою жизнь я чувствовала себя белой вороной. Слишком армянской для Мэна. Слишком армянской для Голливуда. И теперь я была слишком американской для Армении. Кавказской Аннетт Бенинг¹⁰.

Когда мы прибыли в Ереван, я отчаянно цеплялась за свои исчезающие идеалы. Один из старейших городов в мире казался большим и процветающим, а я всегда считала себя девушкой из мегаполиса. Я надеялась, что буду чувствовать себя здесь как дома. Я добралась до отеля и позвонила некоторым из тех списков, что мне дали.

Грета, 50-летняя сестра друга одного друга, с которым я познакомилась в Лос-Анджелесе, приехала первой. Она прибыла с подарками – персиками и хлебом, и, слава богу, со словарем. Объясняться я могла только жестами. Я год проучилась в Париже у Жака Лекока¹¹, но, не считая ходьбы на месте, не добилась больших успехов в том, чтобы меня понимали без слов. Грета (по профессии физик) была не замужем и жила с братом, его женой, их трехлетним ребенком и своей мамой в маленькой квартире в доме без лифта. Кажется, она была счастлива встретиться со мной. Она обняла меня и сказала:

– Я плохо говорю по-английски, но очень хочу попробовать.

Грета извинилась за то, что у нее нет автомобиля. Она сказала, что бензина не хватает, и машины есть далеко не у всех. Потом она взяла меня за руку и повела гулять по городу, все это время медленно говоря и подбирая слова по своей маленькой книжке.

– Тебе стоило бы увидеть Армению до землетрясения. До резни в Баку и Карабахе. Здесь много беженцев. Страна страдает от перенаселения. Мы смирились с экономической блокадой и коррупцией. Со времен перестройки мы не знаем, во что верить. И теперь, как видишь, проблемы повсюду. Но Армения – красивая страна. Здесь ты зарядишься новой энергией.

Она показала мне каменные монументы армянским битвам, бронзовые статуи армянских героев и большие розовые здания, построенные из туфа, главного камня страны.

– Это прекрасный камень, – с гордостью сказала она, – основной источник богатства нашего государства.

Я заметила, что когда-то город был очень красив. Но теперь шокирующие факты повседневной жизни армян контрастировали с этими удивительными рукотворными «символами», тянувшимися к небу. На рынках не было еды, время от времени попадались только куски сала в неработающих холодильниках. Пустые кафе. Лекарства отсутствовали. Одежда и обувь почти не продавалась, а та, что была доступна, была унылой и сделанной из дешевых материалов. Оперный и драматические театры и музеи были закрыты.

– В августе слишком жарко, чтобы смотреть что-нибудь в помещении, – сказала Грета.

Люди без дела стояли на улицах, покачивая головами, у многих были пустые взгляды. Я узнавала эти лица. Они ничем не отличались от лиц моих предков, покинувших родину сто лет назад. Почти ничего не изменилось. Сегодня мало что напоминало о процветающей цивилизации, породившей самых незаурядных художников, музыкантов и мыслителей в мире. Я подумала: как здесь вообще можно жить? Это казалось абсолютно реальным.

В следующие несколько дней я погрузилась в изучение страны. Армяне делились со мной едой, когда у них самих ее не было, возили меня на автомобилях, которые им приходилось одалживать. Я чувствовала их гостеприимство. Они показали мне, как гордятся тем,

¹⁰ Американская актриса, играла в фильме «Красота по-американски».

¹¹ Знаменитый мим.

что они – армяне, и как важно для меня тоже ощутить это. Мне показали древние языческие храмы, монастыри XII века и церкви, высеченные вручную из камня. Как мне сказали, в Армении до сих пор осталось четыре тысячи церквей. Меня поражало то, как каждый армянин знал историю своего народа, я была благодарна им за радушие, но все же сильно утомилась. Вскоре я поняла, что фразы «я хочу побыть одна» нет в армянском словаре.

Вечера мы проводили, разговаривая и философствуя о турках, коммунизме, 70-х годах порочного режима и будущем страны. Они хотели независимую Армению и боролись за это. Недавно избранный президент был на их стороне. Это могло занять годы. Но они были готовы. У них не было другого варианта.

Я все сильнее любила этих людей и их неувядающий дух. Ко мне вернулось мое чувство юмора, и я начинала понимать их.

– Знаешь, что может заставить армянина засмеяться? – спросил меня Самвел Шагинян во время ужина в один из вечеров. Он был художником и идеологом, а его красивая грациозная жена, Гульнара, работала начальником управления международных связей горсовета Еревана.

– Что? – спросила я, надеясь, что дверь к нашему взаимному чувству юмора наконец откроется.

Он поднял вверх руку и подвигал туда-сюда мизинцем. Я рассмеялась.

– Понимаешь? – спросил он. – Все, что угодно.

Я спросила его, как армяне могут находить смешное в тех ужасных условиях, в которых вынуждены жить, и он ответил:

– Ты понимаешь, хуже уже не будет.

Я начинала замечать мужество каждого армянина, то мужество, которое до сих пор было мне неведомо. Оно позволяло им сохранять мечты, несмотря на невзгоды и чудовищные условия жизни. Я спросила, почему они не уезжают в Америку, где им жилось бы гораздо лучше. И они спокойно отвечали, с достоинством и решительностью:

– Если мы уедем, не будет Армении.

Я поняла, что чувствую себя в безопасности в окружении людей, разделявших мою историю, чьи предки были и моими предками. Я видела перед собой лицо своей бабушки. Когда я росла, Нанни жила с нами, в соседней комнате со мной, и она редко из нее выходила. Бабушка часами сидела, вязала крючком и смотрела в окно. Думаю, что она многое помнила, но никогда не говорила о своем прошлом. Мама рассказала мне, что Нанни привезли в Америку, когда ей было пятнадцать, выдав замуж по стовору, и у нее было пятеро детей от мужчины, который был на 20 лет старше и которого она никогда не любила. Она потеряла отца и братьев в ходе геноцида армян и была вынуждена бросить мать. Она так и не смогла вернуться на родину. Я помню, как я хотела сделать Нанни хоть чуточку счастливой, обнять ее и прогнать боль. Но я не могла. Я была ребенком и ничего не понимала. Так что я бежала от ее печали. Я не мирилась даже со своей грустью. Я превращала ее в работу или юмор. Старалась загнать ее в самый дальний угол. Я обрубала свои корни еще до того, как у них появился шанс вырасти.

К концу поездки я очень хотела вернуться домой. Я соскучилась по детям. Все рейсы в США были отменены на неделю вперед. Я хотела принять душ. Я хотела выспаться в комнате без мышей. Я хотела выпить настоящего кофе. Армения получала кофе из России, он был без кофеина. Как мне сказали, правительство контролировало все «наркотики».

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.